

Издательский дом «Академик»

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (АПРЕЛЬ-ИЮНЬ)

2026 ГОД

Учредитель: Грудцына И.В.

Издатель: Издательский дом «Академик» (<https://academ-publish.com>)

Журнал является сетевым изданием и выходит с 2025 г. один раз в три месяца

Официальный сайт журнала: <https://h-rights.online/>

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Свидетельство о регистрации СМИ Эл № ФС 77-90917 от 13 февраля 2026 г.)

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Ежеквартальный научный сетевой РИНЦ-журнал, в котором публикуются статьи фундаментального и прикладного характера, основными целями которого являются научные публикации и исследования, посвященные правам и свободам человека и гражданина, обмен результатами таких исследований между учеными и практиками, освещение актуальных и нерешенных проблем в данной сфере, а также повышение интереса к правам и свободам человека, их охране и защите в современном мире.

Главный редактор: Булаков Олег Николаевич

Заместитель главного редактора: Усанов Владимир Евгеньевич

Председатель Редакционного совета: Иванова Светлана Анатольевна

Редактор: Ерошина Екатерина Андреевна

Корректор и компьютерная верстка: Саблина Ирина Александровна

Дизайн: Ерцев Роман Александрович

Адрес офиса редакции: 121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2, стр. 3. Офис Б 218. Этаж 2.
Бизнес-центр "Гранд Сетунь Плаза".

Адрес для писем: 121614, г. Москва, ул. Крылатские Холмы, д. 28, к. 57.

Home page: <https://h-rights.online/> **E-mail:** mail@h-rights.online

WhatsApp*: +7 999-914-10-69 **Telegram:** @academ_publish

*При использовании опубликованных материалов ссылка
на научный сетевой журнал «Права человека в современном мире» обязательна.*

*Материалы, опубликованные в журнале, могут быть размещены
в электронных правовых базах и справочных системах.*

*Все присланные рукописи проходят обязательное рецензирование.
Мнение редакции может не совпадать с мнением автора.*

** принадлежит Meta, признанной экстремистской и запрещенной на территории России.*

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор:

Булаков Олег Николаевич, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права Российского государственного гуманитарного университета, член Экспертного совета Совета Федерации Федерального Собрания Российской Федерации.

Заместитель главного редактора:

Усанов Владимир Евгеньевич, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.2. — Публично-правовые (государственно-правовые) науки

- **Миронов Василий Олегович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры «Государственное право и управление таможенной деятельностью» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых.
- **Садовникова Галина Дмитриевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и муниципального права ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (МГЮА).
- **Сангаджиев Бадма Владимирович**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
- **Усанов Владимир Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, академик Российской академии образования, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова.

Специальность: 5.1.3. — Частно-правовые (цивилистические) науки

- **Грудцына Людмила Юрьевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)», Почетный адвокат России, эксперт РАН (г. Москва, Россия).
- **Иванова Светлана Анатольевна**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Почетный адвокат России, эксперт РАН.
- **Левушкин Анатолий Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры предпринимательского и корпоративного права Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина, профессор кафедры гражданского права Российского государственного университета правосудия.
- **Стригунова Дина Павловна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры международного и интеграционного права Института права и национальной безопасности ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации».

Специальность: 5.1.4. — Уголовно-правовые науки

- **Дубровин Сергей Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры права Института социально-гуманитарного образования Московского педагогического государственного университета.
- **Лебедев Семен Яковлевич**, Заслуженный юрист России, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и адвокатуры Российского государственного университета им. А.Н. Косыгина.
- **Николаева Юлия Валентиновна**, доктор юридических наук, профессор, профессор Департамента правового регулирования экономической деятельности Финансового университета при Правительстве Российской Федерации.
- **Шайхуллин Марат Селирович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры уголовного права и криминологии Уфимского юридического института МВД России, первый заместитель главного редактора, доктор юридических наук, доцент, руководитель Центра государственно-правовых исследований Евразийского научно-исследовательского института проблем прав.

EDITORIAL BOARD

Editor-in-chief:

Bulakov Oleg Nikolaevich, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the Russian State University for the Humanities, member of the Expert Council of the Federation Council of the Federal Assembly of the Russian Federation.

Deputy Editor-in-Chief:

Usanov Vladimir Evgenievich, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.2. - Public legal (state legal) sciences

- **Mironov Vasily Olegovich**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of State Law and Management of Customs Activities, Vladimir State University named after A.G. and N.G. Stoletovs.
- **Sadovnikova Galina Dmitrievna**, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and Municipal Law, FSAEI HE «Moscow State Law University named after O.E. Kutafin» (MSLA).
- **Sangadzhiev Badma Vladimirovich**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).
- **Usanov Vladimir Evgenievich**, Doctor of Law, Professor, Academician of the Russian Academy of Education, Professor of the Department of State Law and Criminal Law Disciplines of the Russian University of Economics named after G.V. Plekhanov.

Specialty: 5.1.3. - Private law (civil) sciences

- **Grudtsina Ludmila Yuryevna**, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Constitutional and International Law, All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia), Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia).
- **Ivanova Svetlana Anatolyevna**, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences.
- **Levushkin Anatoly Nikolayevich**, Doctor of Law, Professor, Department of Business and Corporate Law, Kutafin Moscow State Law University, Professor, Department of Civil Law, Russian State University of Justice.
- **Strigunova Dina Pavlovna**, Doctor of Law, Associate Professor, Professor, Department of International and Integration Law, Institute of Law and National Security, Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education «Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation.»

Specialty: 5.1.4. - Criminal Law Sciences

- **Dubrovin Sergey Viktorovich**, Doctor of Law, Professor, Department of Law, Institute of Social and Humanitarian Education, Moscow State Pedagogical University.
- **Lebedev Semyon Yakovlevich**, Honored Lawyer of Russia, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Criminal Law and Advocacy, Russian State University named after A.N. Kosygin.
- **Nikolaeva Yulia Valentinovna**, Doctor of Law, Professor, Professor of the Department of Legal Regulation of Economic Activities of the Financial University under the Government of the Russian Federation.
- **Shaikhullin Marat Selirovich**, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of Criminal Law and Criminology, Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, First Deputy Editor-in-Chief, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for State Legal Research of the Eurasian Research Institute of Rights Problems.

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Председатель:

С.А. Иванова, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин ФГБОУ ВО «Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова», Почетный адвокат России, эксперт РАН.

- **А.П. Галоганов**, доктор юридических наук, Заслуженный юрист России, президент Адвокатской палаты Московской области, президент Федерального союза адвокатов России, вице-президент Международного союза (содружества) адвокатов.
- **В.Н. Жуков**, доктор философских наук, доктор юридических наук, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова.
- **В.В. Комарова**, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой конституционного и муниципального права РФ Московского государственного юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА).
- **А.В. Рагулин**, доктор юридических наук, доцент, руководитель центра исследования проблем организации и деятельности адвокатуры Евразийского научно-исследовательского института проблем права, Председатель комиссии по защите прав адвокатов-членов адвокатских образований Гильдии Российских адвокатов.
- **Б.В. Сангаджиев**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и международного права ФГБОУ ВО «Всероссийский государственный университет юстиции (РПА Минюста России)».
- **Б.С. Эбзеев**, доктор юридических наук, профессор, судья Конституционного Суда Российской Федерации (в отставке), член ЦИК России.
- **Н.Д. Эриашвили**, доктор экономических наук, кандидат юридических наук, кандидат исторических наук, профессор, профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин Академии Генеральной прокуратуры РФ, профессор кафедры предпринимательского и трудового права Институт государственного управления и права Государственного университета управления.

EDITORIAL BOARD

Chairman:

S.A. Ivanova, Doctor of Law, Professor, Professor, Department of State Law and Criminal Law Disciplines, Plekhanov Russian University of Economics, Honorary Lawyer of Russia, Expert of the Russian Academy of Sciences.

• **A.P. Galoganov**, Doctor of Law, Honored Lawyer of Russia, President of the Moscow Region Bar Association, President of the Federal Union of Lawyers of Russia, Vice President of the International Union (Commonwealth) of Lawyers.

• **V.N. Zhukov**, Doctor of Philosophy, Doctor of Law, Professor of the Department of Theory State and Law and Political Science, Faculty of Law, Lomonosov Moscow State University.

• **V.V. Komarova**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law of the Russian Federation, Moscow State Law University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy).

• **A.V. Ragulin**, Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Center for Research on Problems of Organization and Activities of the Bar of the Eurasian Research Institute of Law Problems, Chairman of the Commission for the Protection of the Rights of Lawyers-Members of Lawyers Guilds of Russian Lawyers.

• **B.V. Sangadzhiev**, Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and International Law of the All-Russian State University of Justice (RPA of the Ministry of Justice of Russia).

• **B.S. Ebzeev**, Doctor of Law, Professor, Judge of the Constitutional Court of the Russian Federation (in resignation), member of the CEC of Russia.

• **N.D. Eriashvili**, Doctor of Economics, Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences, Professor, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Civil Law Disciplines of the Academy of the General Prosecutor's Office of the Russian Federation, Professor of the Department of Business and Labor Law Institute of Public Administration and Law of the State University of Management.

СОДЕРЖАНИЕ:

ПОЛИТИКА И ПРАВО

Березовский А. Е. * Беззаявительный порядок предоставления мер социальной поддержки ветеранам боевых действий: проблемы правового регулирования 9

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА

Эриашвили Н. Д. * Государственные механизмы охраны и защиты прав человека 16

Кирьянова Т. В. * Отказ от освобождения гражданина от исполнения обязательств как способ защиты имущественных интересов кредиторов в процедурах банкротства 24

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Гончар В. В., Пасюков С. Э. * Некоторые аспекты нормативно-правового регулирования противодействия преступлениям, совершаемым в псевдодоменных зонах сети Интернет 28

ПРАВОСУДИЕ И СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА

Хачиров А. В. * Специфика апелляционного и кассационного производства по гражданско-процессуальному законодательству в России 32

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Жаркова Ю. В. * Специфика правового регулирования трансграничного банкротства юридических лиц в России 36

Гончар В. В., Пасюков С. Э. * Особенности получения доказательственной информации при противодействии преступлениям, совершаемым в псевдодоменных зонах сети Интернет 42

ТОЛКОВАНИЕ ПРАВА

Краснова Л. В. * Представление результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела: проблемы правового регулирования и пути совершенствования 45

Хачиров А. В. * Актуальные проблемы пересмотра судебных актов в порядке апелляционного и кассационного производства 49

Гребенкин Г. С. * Основания возникновения прав на компоненты видеоигры: распределение прав между разработчиками 53

CONTENT:

POLITICS AND LAW

Berezovsky A. E. * Non-application procedure for providing social support measures to combat veterans: problems of legal regulation 9

HUMAN RIGHTS

Eriashvili N. D. * State mechanisms for the protection and safeguarding of human rights 16

Kiryanova T. V. * Refusal to release a citizen from fulfilling obligations as a way to protect the property interests of creditors in bankruptcy procedures 24

LEGAL FORMATION AND LAW-MAKING

Gonchar V. V., Pasyukov S. E. * Certain aspects of regulatory and legal regulation of countering crimes committed in pseudodomain areas of the Internet 28

JUSTICE AND JUDICIAL PRACTICE

Khachirov A. V. * Specifics of appellate and cassation proceedings under Russian civil procedural legislation . . . 32

ISSUES OF RUSSIAN LEGISLATION

Zharkova Yu. V. * Specifics of the legal regulation of cross-border bankruptcy of legal entities in Russia 36

Gonchar V. V., Pasyukov S. E. * Features of obtaining evidential information in countering crimes committed in pseudodomain zones of the Internet 42

LEGAL INTERPRETATION

Krasnova L. V. * Presentation of results of operational search activities at the stage of initiation of a criminal case: problems of legal regulation and ways of improvement 45

Khachirov A. V. * Current issues regarding the review of judicial acts in appellate and cassation proceedings . . . 49

Grebenkin G. S. * Grounds for the emergence of rights to video game components: allocation of rights among developers 53

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

БЕРЕЗОВСКИЙ Анатолий Евгеньевич,
магистрант, Дальневосточный институт (филиал)
«Всероссийского государственного университета юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Хабаровске,
кафедра гражданского права и процесса,
тел: 89990866758,
e-mail: a.berezaa42@gmail.com

БЕЗЗАЯВИТЕЛЬНЫЙ ПОРЯДОК ПРЕДОСТАВЛЕНИЯ МЕР СОЦИАЛЬНОЙ ПОДДЕРЖКИ ВETERANAM БОЕВЫХ ДЕЙСТВИЙ: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

Аннотация. Статья посвящена исследованию правовых оснований и практических проблем беззаявительного предоставления мер социальной поддержки ветеранам боевых действий. Анализируются положения Федерального закона от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах», Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 291-ФЗ, законодательства о государственных и муниципальных услугах, государственной социальной помощи и информационном обеспечении социальной сферы. Особое внимание уделяется переходу от заявительной модели к проактивному назначению ежемесячной денежной выплаты на основании сведений об оформлении удостоверения ветерана боевых действий. Выявлены проблемы фрагментарности регулирования, различий между категориями ветеранов, зависимости результата от качества межведомственного информационного обмена, правовой неопределенности последствий ошибок в государственных информационных системах, а также разграничения беззаявительного назначения и безусловного предоставления меры социальной поддержки. Обосновывается необходимость системного закрепления принципов проактивности, достоверности и актуальности данных, межведомственной ответственности, информирования гражданина и гарантированного исправления ошибок без возложения административной нагрузки на ветерана. Актуальность исследования состоит в разграничении стадий выявления права, принятия решения и информирования, обосновании презумпции сохранения материального права при информационном сбое и разработке конструкции «цифрового восстановления права». Предлагаются направления совершенствования законодательства и административных процедур.

Ключевые слова: ветераны боевых действий, меры социальной поддержки, беззаявительный порядок, проактивное предоставление, ежемесячная денежная выплата, удостоверение ветерана, межведомственное информационное взаимодействие, социальная защита, цифровизация.

BEREZOVSKY Anatoly Evgenievich,
Master's student,
Far Eastern Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Khabarovsk,
Department of Civil Law and Procedure

NON-APPLICATION PROCEDURE FOR PROVIDING SOCIAL SUPPORT MEASURES TO COMBAT VETERANS: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION

Annotation. The article examines the legal foundations and practical problems of providing social support measures to combat veterans without an application. The study focuses on the transition from an application-based model to proactive assignment of the monthly cash payment on the basis of information about the issuance of a combat veteran certificate. The article analyzes the interaction between the legislation on veterans, public and municipal services, state social assistance, and information systems in the social sphere. Particular attention is paid to the fragmented scope of the non-application mechanism, the dependence of the result on the quality and timeliness of interagency data exchange, legal uncertainty in cases of errors in state information systems, and the distinction between proactive assignment and unconditional provision of a social support measure. The novelty of the study lies

in distinguishing the stages of identifying entitlement, making a legal decision, and informing the citizen; substantiating preservation of the substantive right in cases of interagency data failure; and proposing a mechanism for digital restoration of the right through repeated verification, recalculation, and payment. The author formulates proposals aimed at establishing common principles of proactive social support, ensuring data accuracy, distributing responsibility among public authorities, informing citizens about decisions, and creating a simplified procedure for correcting errors without shifting the administrative burden to veterans.

Key words: combat veterans, social support measures, non-application procedure, proactive provision, monthly cash payment, veteran certificate, interagency information exchange, social protection, digitalization.

Социальная поддержка ветеранов боевых действий относится к числу направлений государственной социальной политики, в которых юридическая определенность приобретает непосредственное практическое значение. Право на соответствующую меру поддержки должно быть реализовано не только формально, но и своевременно, поскольку сама цель социальной гарантии предполагает фактическую доступность установленного законом блага. В традиционной модели предоставления социальных выплат центральное место занимало обращение гражданина: лицо должно было самостоятельно установить наличие права, подготовить документы, обратиться в компетентный орган и ожидать принятия решения. Цифровая трансформация государственного управления создала предпосылки для иной модели — проактивного, или беззаявительного, предоставления отдельных мер социальной поддержки.

Особое значение данная трансформация получила применительно к ветеранам боевых действий. Федеральный закон от 12 января 1995 г. № 5-ФЗ «О ветеранах» закрепляет систему мер социальной поддержки ветеранов, включающую, в частности, ежемесячную денежную выплату, компенсацию расходов на оплату жилых помещений, медицинские и иные гарантии [1]. При этом состав прав и порядок их реализации не являются тождественными для всех категорий ветеранов. В зависимости от основания приобретения статуса ветерана применяются различные юридические механизмы подтверждения права, а часть мер предоставляется в заявительном порядке.

Переломным этапом стало принятие Федерального закона от 8 августа 2024 г. № 291-ФЗ, которым в Закон о ветеранах были внесены положения о беззаявительном установлении ежемесячной денежной выплаты отдельным категориям ветеранов боевых действий на основании сведений об оформлении удостоверения ветерана, поступающих в Социальный фонд России от федеральных органов, осуществляющих выдачу удостоверения [2]. Впоследствии круг соответствующих категорий был расширен [1; 3]. Таким образом, законодатель фактически связал юридически значимое событие — признание лица ветераном боевых действий и оформление удостоверения — с последующим возникновением обязанности органа социальной защиты действовать без дополнительного волеизъявления гражданина.

В литературе уже исследуются цифровизация права социального обеспечения, роль ЕГИССО,

реестровая модель и проактивное реагирование государства [11; 12], а также особенности правового регулирования социальной поддержки при внедрении цифровых платформ [13]. Вместе с тем в рассмотренных работах основное внимание уделяется общим вопросам цифровизации и доступности социальных услуг, тогда как специальный анализ беззаявительного назначения ЕДВ именно ветеранам боевых действий с точки зрения распределения юридической ответственности за межведомственный информационный сбой, восстановления нарушенного права и разграничения стадий выявления права, принятия решения и информирования представлен недостаточно. Указанный пробел определяет предмет настоящего исследования.

Цель настоящей статьи состоит в выявлении проблем правового регулирования беззаявительного порядка предоставления мер социальной поддержки ветеранам боевых действий и формулировании предложений по совершенствованию законодательства и административных процедур. Для достижения цели решаются следующие задачи: определить место беззаявительного порядка в общей системе социальной поддержки ветеранов; раскрыть содержание действующей модели назначения ежемесячной денежной выплаты; сопоставить беззаявительное назначение с общими правилами межведомственного информационного взаимодействия; выявить юридические риски цифровой модели; сформулировать предложения по унификации регулирования.

Научная новизна исследования состоит в обосновании четырех взаимосвязанных положений. Во-первых, беззаявительный порядок рассматривается как самостоятельная юридическая модель реализации социального права, а не только как техническая автоматизация административной процедуры. Во-вторых, обосновывается презумпция сохранения материального права при межведомственном или техническом информационном сбое: если юридически значимый факт, обуславливающий возникновение права на выплату, установлен компетентным органом, отсутствие либо несвоевременность передачи сведений не должно ухудшать положение гражданина. В-третьих, предлагается конструкция «цифрового восстановления права», включающая повторную проверку после исправления сведений, перерасчет и выплату причитающихся сумм с момента возникновения права. В-четвертых, предлагается нормативно разграничить три стадии проактивного предоставления — выявление права, принятие юридически значимого решения и инфор-

мирование гражданина, — что позволяет определить зоны ответственности публичных органов.

Методологическую основу исследования составили формально-юридический, системный, сравнительно-правовой и функциональный методы. Использован анализ нормативных правовых актов Российской Федерации и официальных материалов государственных органов, характеризующих действующий порядок предоставления соответствующих мер поддержки [1; 4; 5; 11–14].

Понятие «беззаявительный порядок» не следует отождествлять с полным отсутствием юридически значимого волеизъявления гражданина во всех элементах социальной поддержки. В узком смысле речь идет об отказе от необходимости подачи гражданином самостоятельного заявления для возникновения и реализации конкретного права при наличии у публичного органа достоверных сведений, подтверждающих юридические факты. Такая модель является разновидностью проактивного предоставления социальной поддержки.

Законодательство о государственных и муниципальных услугах формирует предпосылки для такой модели. Статья 7 Федерального закона от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ запрещает требовать от заявителя документы и информацию, находящиеся в распоряжении государственных органов и иных участвующих в предоставлении услуг организаций, а также действия, связанные с обращением в другие органы, если соответствующая обязанность не установлена законом [4]. Статья 7.2 того же закона регулирует межведомственные запросы и требования к ним [4]. Следовательно, заявительная модель уже предполагает определенное снижение административной нагрузки. Беззаявительный порядок идет дальше: в предусмотренных законом случаях исключается не только обязанность гражданина собирать документы, но и само обращение за услугой.

В сфере ветеранов эта конструкция получила специальное нормативное закрепление. Статья 28 Закона № 5-ФЗ устанавливает, что реализация мер социальной поддержки ветеранов осуществляется на основании сведений из государственной информационной системы «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере» либо при предъявлении удостоверения установленного образца [1]. Тем самым законодатель признает сведения государственной информационной системы самостоятельной юридически значимой основой реализации прав ветерана. Однако эта норма не означает автоматизации всех мер поддержки: для каждой меры необходимы специальные правила, определяющие юридические факты, орган предоставления, способ финансирования и, при необходимости, волеизъявление гражданина.

ЕДВ сравнительно удобна для автоматизации, поскольку ее назначение связано прежде всего с установлением статуса ветерана и осуществляется Социальным фондом России. Иные меры, в частности компенсация расходов на оплату жилых помещений и коммунальных услуг, зависят от дополни-

тельных юридических и фактических обстоятельств. Поэтому универсальное правило автоматического предоставления всех мер поддержки не соответствует действующей структуре законодательства.

Следовательно, основной проблемой является не сама цифровизация, а фрагментарность правового регулирования. Беззаявительный механизм вводится для отдельных мер и категорий, тогда как общий массив законодательства сохраняет смешанную модель. Для гражданина это может означать необходимость различать несколько процедур в зависимости от вида поддержки. С точки зрения принципа юридической определенности желательно, чтобы закон прямо указывал: какие меры предоставляются автоматически, какие требуют заявления, какие могут быть предоставлены на основании комплексного запроса, а какие зависят от индивидуального выбора гражданина.

Следует обратить внимание на набор социальных услуг. В соответствии с Федеральным законом от 17 июля 1999 г. № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» ветераны боевых действий, относящиеся к предусмотренной законом категории, имеют право на набор социальных услуг [5]. Закон предусматривает возможность подачи заявления о предоставлении НСУ или отдельных социальных услуг, а также установленные сроки изменения способа их получения [5]. Здесь проявляется важное отличие от беззаявительной ЕДВ: автоматическое назначение денежной выплаты не означает автоматического выбора гражданином натуральной формы получения социальных услуг. Выбор между денежным эквивалентом и натуральным предоставлением предполагает выражение воли в установленном порядке.

Федеральный закон от 8 августа 2024 г. № 291-ФЗ стал специальным нормативным основанием перехода к беззаявительному назначению ЕДВ для определенных категорий ветеранов боевых действий [2]. Пункт 7.1 статьи 23.1 Закона № 5-ФЗ предусматривает установление выплаты без заявления на основании сведений об оформлении удостоверения ветерана боевых действий, полученных СФР от федеральных органов исполнительной власти и иных федеральных государственных органов, выдающих удостоверение [3].

Юридическая логика нормы заключается в том, что государство не должно повторно требовать от гражданина подтверждения того статуса, который уже установлен компетентным государственным органом. Если факт оформления удостоверения является достаточным подтверждением права на ЕДВ, повторное обращение превращается в избыточную административную процедуру. Такой подход соответствует общему направлению развития межведомственного взаимодействия и реестровой модели предоставления государственных услуг [4; 5].

По состоянию на 20 сентября 2026 г. Закон № 5-ФЗ действует с учетом последующих изменений 2025–2026 гг.; при этом изменения статьи 16, предусмотренные Федеральным законом № 306-ФЗ,

вступают в силу только с 1 декабря 2026 г. [1; 7–10].

Федеральным законом от 27 октября 2025 г. № 387-ФЗ круг категорий, охватываемых пунктами 7 и 7.1 статьи 23.1 Закона № 5-ФЗ, был расширен за счет подпункта 2.6 пункта 1 статьи 3 [3]. Таким образом, беззаявительный механизм распространился и на соответствующую категорию лиц.

С практической точки зрения важен также момент начала выплаты. Действующая редакция статьи 23.1 связывает установление ЕДВ для указанных категорий с днем признания лица ветераном боевых действий [1]. Таким образом, законодатель стремится исключить временной разрыв между возникновением статуса и реализацией денежной гарантии. Это особенно важно в контексте защиты права от последствий административной задержки передачи сведений.

Беззаявительный порядок переносит значительную часть административной нагрузки с гражданина на государство. Однако одновременно возрастает зависимость результата от качества информационного обмена. При заявительной модели гражданин является источником части информации: он предоставляет удостоверение, реквизиты и иные документы, а также может непосредственно указать на обстоятельства, имеющие значение для назначения. При беззаявительной модели ключевым становится взаимодействие информационных систем.

Статья 28 Закона № 5-ФЗ и пункт 7.1 статьи 23.1 фактически формируют двухуровневую модель подтверждения права: статус может быть подтвержден сведениями из государственной информационной системы либо удостоверением, а для беззаявительного назначения ЕДВ необходима передача сведений об оформлении удостоверения от органа, его выдавшего, в СФР [1]. Следовательно, юридически значимым становится не только сам факт существования права, но и корректность его цифрового отражения.

Основные риски цифровой модели связаны с несвоевременной передачей сведений, ошибками идентификационных данных и отсутствием детальной регламентации последствий информационного сбоя. В результате право может материально существовать, но не реализовываться автоматически. Законодательству необходимы правила выявления несоответствий, повторной передачи данных, информирования гражданина и сохранения права на выплату за период, когда задержка вызвана действиями государственных органов.

Следует закрепить презумпцию сохранения материального права при техническом или межведомственном сбое. Если компетентный орган установил статус ветерана и оформил удостоверение, отсутствие корректной записи в информационной системе не должно само по себе прекращать или ограничивать право на соответствующую выплату. Последующее исправление сведений должно влечь перерасчет с даты возникновения права, если иное прямо не установлено законом.

Действующее регулирование сохраняет заяви-

тельный порядок как альтернативный способ реализации права [2; 16]. Одновременное существование двух процедур требует исключить дублирование выплат и противоречивые решения. Подача заявления не должна приводить к более поздней дате установления выплаты, если право возникло ранее.

Верным шагом будет нормативное закрепление правила о том, что подача заявления в ситуации, когда сведения для беззаявительного назначения уже имеются, не может приводить к более поздней дате установления выплаты. И наоборот, если заявление поступило раньше межведомственной передачи сведений, дата обращения не должна использоваться как основание для ограничения права, если законом установлена более ранняя дата возникновения права.

Одной из наиболее существенных проблем остается смешение в публичном восприятии понятий «ветеранская льгота», «мера социальной поддержки», «ЕДВ», «НСУ» и «проактивное предоставление». Закон № 5-ФЗ содержит комплекс правовых гарантий, но их административная реализация распределена между разными уровнями публичной власти и разными организациями [1]. Поэтому автоматизация одной выплаты не означает автоматизации всего комплекса прав.

Например, статья 23.2 Закона № 5-ФЗ предусматривает передачу субъектам Российской Федерации полномочий по предоставлению мер социальной поддержки по оплате жилых помещений и коммунальных услуг [1]. Следовательно, единый федеральный цифровой контур может использоваться для подтверждения статуса ветерана, но непосредственный порядок предоставления компенсации зависит от регионального регулирования и организационной инфраструктуры.

Представляется необходимым развивать модель «однократного подтверждения статуса». После того как государство достоверно установило статус ветерана боевых действий, повторное подтверждение этого статуса для каждой отдельной меры поддержки должно быть исключено, если иное не обусловлено особенностями самой меры. Сведения о статусе должны использоваться как базовый реестровый факт при предоставлении связанных мер, а дополнительные сведения должны запрашиваться межведомственно.

Беззаявительный порядок означает автоматизацию отдельных стадий административной деятельности, но не устраняет необходимость юридически обоснованного решения. Государственная информационная система не обладает самостоятельной правосубъектностью; юридический результат возникает вследствие действия уполномоченного органа на основании закона и соответствующих сведений. Поэтому недопустимо подменять правовую процедуру техническим алгоритмом.

Беззаявительный порядок не исключает обязанности государства информировать гражданина о правовом основании выплаты, использованных сведениях и дате возникновения права. При этом не-

обходимо различать технические ошибки, устраняемые в упрощенном порядке, и спор о юридическом факте, требующий индивидуального административного производства. Отказ от заявления, следовательно, не должен означать отказ от коммуникации государства с гражданином.

Перенос иницилирующей функции с гражданина на государство требует перераспределения ответственности между органом, устанавливающим статус, субъектом, обеспечивающим передачу данных, и органом, назначающим выплату. Гражданин не должен устанавливать, на каком участке информационной цепочки произошел сбой. При несвоевременной передаче сведений исправление ошибки должно влечь выплату за период, в котором существовало право на ЕДВ.

Проведенный анализ позволяет сформулировать несколько направлений совершенствования законодательства.

Во-первых, дополнить Закон № 5-ФЗ общей нормой о беззаявительном порядке как самостоятельном способе реализации мер социальной поддержки и закрепить единые принципы проактивного предоставления: достаточность сведений, однократность подтверждения статуса, межведомственное получение документов, запрет возложения на гражданина устранения ошибок и обязательность информирования.

Во-вторых, следует нормативно закрепить процедуру «цифрового восстановления права». Она должна включать автоматическую повторную проверку после исправления сведений, перерасчет выплаты с даты возникновения права и уведомление гражданина о результате. Срок устранения технической ошибки должен быть установлен законом или подзаконным актом.

В-третьих, унифицировать требования к межведомственным сведениям и нормативно разграничить стадии выявления права, принятия решения и информирования гражданина.

В-четвертых, установить федеральные минимальные стандарты проактивного предоставления мер, полномочия по которым переданы субъектам РФ, сохранив их компетенцию.

Проведенное исследование показывает, что беззаявительный порядок предоставления мер социальной поддержки ветеранам боевых действий следует рассматривать не как отдельную техническую услугу, а как изменение юридической модели реализации социального права. Ее сущность состоит в переносе иницилирующей функции от гражданина к государству при сохранении материальных условий возникновения права.

Можно прийти к выводу, что юридическая эффективность беззаявительного порядка определяется не только наличием цифровой платформы. Необходимы нормативно установленные правила качества данных, сроки межведомственной передачи, механизм исправления ошибок, распределение ответственности и гарантии перерасчета. Научный результат исследования состоит также в предло-

жении нормативно обособить механизм «цифрового восстановления права» как обязательную последующую стадию проактивного предоставления.

Беззаявительный порядок должен строиться вокруг принципа «государство подтверждает известное ему право и несет ответственность за корректность его реализации». При этом там, где законодатель связывает возникновение права с объективно установленным юридическим фактом, дополнительное заявление должно быть исключено, если волеизъявление гражданина не является элементом содержания права.

По состоянию на 20 сентября 2026 г. в центре рассматриваемого механизма остается ЕДВ: Социальный фонд России указывает, что ветеранам боевых действий она устанавливается беззаявительно со дня выдачи удостоверения на основании сведений, полученных от федеральных органов и иных федеральных государственных органов, выдающих удостоверение [16; 17]. При этом изменение формы предоставления набора социальных услуг сохраняет волевой элемент: для перехода с денежной формы на натуральную и обратно необходимо заявление в установленный срок [16]. Совершенствование законодательства целесообразно связывать с формированием единой модели проактивной социальной поддержки.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 12.01.1995 № 5-ФЗ (ред. от 04.08.2026) «О ветеранах» // Собрание законодательства РФ. – 1995. – № 3. – Ст. 168.
- [2] Федеральный закон от 08.08.2024 № 291-ФЗ «О внесении изменений в статьи 5 и 23.1 Федерального закона «О ветеранах»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2024. – 8 авг.
- [3] Федеральный закон от 27.10.2025 № 387-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 27 окт.
- [4] Федеральный закон от 27.07.2010 № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Собрание законодательства РФ. – 2010. – № 31. – Ст. 4179.
- [5] Федеральный закон от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи» // Собрание законодательства РФ. – 1999. – № 29. – Ст. 3699.
- [6] Федеральный закон от 07.07.2025 № 196-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона «О ветеранах»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 7 июля. – Номер опубликования: 0001202507070016. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507070016> (дата обращения: 02.09.2026).
- [7] Федеральный закон от 29.12.2025 № 572-ФЗ «О внесении изменения в статью 3 Федерального закона «О ветеранах»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2025. – 29 дек. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.09.2026).

[8] Федеральный закон от 20.02.2026 № 35-ФЗ «О внесении изменения в статью 16 Федерального закона «О ветеранах»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2026. – 20 февр. URL: <http://pravo.gov.ru/> (дата обращения: 02.09.2026).

[9] Федеральный закон от 04.08.2026 № 307-ФЗ «О внесении изменений в статьи 3 и 4 Федерального закона «О ветеранах»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2026. – 4 авг. – Номер опубликования: 0001202608040024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040024> (дата обращения: 02.09.2026).

[10] Федеральный закон от 04.08.2026 № 306-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «О ветеранах»» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2026. – 4 авг. – Номер опубликования: 0001202608040023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040023> (дата обращения: 02.09.2026).

[11] Сайфутдинова В. М. Информатизация в праве социального обеспечения // Правовое государство: теория и практика. – 2020. – № 4. – С. 60–66.

[12] Лиликова О. С., Бас М. Н. Реализация процесса цифровизации в праве социального обеспечения // Вестник науки. – 2023. – Т. 5, № 12-1(69). – С. 167–170.

[13] Макоев И. В., Нестерова Н. В. Особенности правового регулирования социальной поддержки при внедрении цифровых платформ в государственное управление // Вестник науки. – 2025 – № 4(85). – С. 89–94.

[14] Гасумова С. Е. Самоинформирование населения по вопросам социальной защиты и социального обслуживания в современной России в условиях цифровизации общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. – 2020. – Вып. 3. – С. 506–519.

[15] Постановление Правительства РФ от 22.09.2023 № 1544 «Об утверждении Правил обращения отдельных категорий граждан за предоставлением социальных услуг и признании утратившими силу некоторых актов и отдельных положений некоторых актов Правительства Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. – 2023. – 29 сент. – Номер опубликования: 0001202309290012. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309290012> (дата обращения: 02.09.2026).

[16] Социальный фонд России. Льготы, выплаты и компенсации участникам СВО. – // СФР. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/svo_new/lgoty_pensii_vyplaty_uchastnikam_veteranam (дата обращения: 02.09.2026).

[17] Социальный фонд России. Размеры ежемесячных денежных выплат с 1 февраля 2026 года. – 2026. – // СФР. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/pr/booklet/2026/Osobennosti_v_novyih_regionah-2026.pdf (дата обращения: 02.09.2026).

References:

[1] Federal Law No. 5-FZ of January 12, 1995 (as amended on August 4, 2026) «On Veterans» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1995. – No. 3. – Art. 168.

[2] Federal Law No. 291-FZ of August 8, 2024 «On Amendments to Articles 5 and 23.1 of the Federal Law ‘On Veterans’» // Official Internet Portal of Legal Information. – 2024. – August 8.

[3] Federal Law No. 387-FZ of October 27, 2025 «On Amendments to the Federal Law ‘On Veterans’» // Official Internet Portal of Legal Information. – 2025. – October 27.

[4] Federal Law No. 210-FZ of July 27, 2010 «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2010. – No. 31. – Art. 4179.

[5] Federal Law No. 178-FZ of July 17, 1999 «On State Social Assistance» // Collected Legislation of the Russian Federation. – 1999. – No. 29. – Art. 3699.

[6] Federal Law No. 196-FZ of July 7, 2025 «On Amendments to Articles 3 and 4 of the Federal Law ‘On Veterans’» // Official Internet Portal of Legal Information. – 2025. – July 7. – Publication number: 0001202507070016. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202507070016> (accessed: 02.09.2026).

[7] Federal Law No. 572-FZ of December 29, 2025, «On Amending Article 3 of the Federal Law ‘On Veterans’» // Official Internet Portal of Legal Information. – 2025. – Dec. 29. URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: 02.09.2026).

[8] Federal Law No. 35-FZ of February 20, 2026, «On Amending Article 16 of the Federal Law ‘On Veterans’» // Official Internet Portal of Legal Information. – 2026. – Feb. 20. URL: <http://pravo.gov.ru/> (accessed: 02.09.2026).

[9] Federal Law No. 307-FZ of August 4, 2026, «On Amending Articles 3 and 4 of the Federal Law ‘On Veterans’» // Official Internet Portal of Legal Information. – 2026. – Aug. 4. – Publication number: 0001202608040024. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040024> (accessed: 02.09.2026). [10] Federal Law No. 306-FZ dated August 4, 2026, «On Amendments to the Federal Law ‘On Veterans’» // Official Internet Portal of Legal Information. – 2026. – Aug. 4. – Publication number: 0001202608040023. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202608040023> (accessed: September 2, 2026).

[11] Saifutdinova V. M. Informatization in Social Security Law // The Rule-of-Law State: Theory and Practice. – 2020. – No. 4. – P. 60–66.

[12] Lilikova O. S., Bas M. N. Implementation of the Digitalization Process in Social Security Law // Bulletin of Science. – 2023. – Vol. 5, No. 12-1(69). – P. 167–170.

[13] Makoev I. V., Nesterova N. V. Specifics of Legal Regulation of Social Support During the Introduction of Digital Platforms into Public Administration // Bulletin of Science. – 2025. – No. 4(85). – P. 89–94.

[14] Gasumova S. E. Self-Informing of the Population

on Issues of Social Protection and Social Services in Modern Russia Amidst the Digitalization of Society // Bulletin of Perm University. Philosophy. Psychology. Sociology. – 2020. – Issue 3. – P. 506–519. [15] Decree of the Government of the Russian Federation No. 1544 dated September 22, 2023, «On Approval of the Rules for Certain Categories of Citizens to Apply for the Provision of Social Services and on Repealing Certain Acts and Specific Provisions of Certain Acts of the Government of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. – 2023. – Sept. 29. – Publication number: 0001202309290012. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202309290012>

(accessed: Sept. 2, 2026).

[16] Social Fund of Russia. Benefits, payments, and compensation for participants in the Special Military Operation (SVO). – // SFR. URL: https://sfr.gov.ru/grazhdanam/svo_new/lgoty_pensii_vyplaty_uchastnikam_veteranam (accessed: Sept. 2, 2026).

[17] Social Fund of Russia. Amounts of monthly cash payments effective February 1, 2026. – 2026. – // SFR. URL: https://sfr.gov.ru/files/id/press_center/pr/booklet/2026/Osobennosti_v_novyih_regionah-2026.pdf (accessed: Sept. 2, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 13.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

ЭРИАШВИЛИ Нодари Дарчоевич,

кандидат юридических наук, кандидат исторических наук,
доктор экономических наук, профессор, почетный работник сферы образования РФ,
лауреат премии Правительства РФ в области образования,
профессор кафедры гражданского и трудового права, гражданского процесса
Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя;
профессор кафедры частного права Государственного университета управления,
e-mail: professor60@mail.ru

ГОСУДАРСТВЕННЫЕ МЕХАНИЗМЫ ОХРАНЫ И ЗАЩИТЫ ПРАВ ЧЕЛОВЕКА

Аннотация. В системе конституционного права государственные механизмы охраны и защиты прав человека занимают центральное место, поскольку именно государство обладает публичной властью, правотворческой компетенцией, аппаратом принуждения, бюджетными ресурсами и обязанностью создавать условия для реального пользования правами. Российская Конституция закрепляет человека, его права и свободы как высшую ценность, а признание, соблюдение и защита прав и свобод человека и гражданина названы обязанностью государства. Это означает, что права человека не являются внешним по отношению к государству моральным пожеланием: они выступают юридическим критерием организации публичной власти, содержания законодательства, деятельности органов управления и правосудия.

Ключевые слова: права человека, государственные механизмы охраны и защиты прав, конституция, публичная власть, государственные гарантии.

ERIASHVILI Nodari Darchoevich,

Candidate of Law, Candidate of Historical Sciences,
Doctor of Economics, Professor, Honorary Worker of Education of the Russian Federation,
laureate of the Government of the Russian Federation in the field of education,
Professor of the Department of Civil and Labor Law, Civil Procedure
of the V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia;
Professor of the Department of Private Law of the State University of Management

STATE MECHANISMS FOR THE PROTECTION AND SAFEGUARDING OF HUMAN RIGHTS

Annotation. State mechanisms for the safeguarding and protection of human rights occupy a central place within the system of constitutional law, as it is the state that possesses public authority, law-making competence, a coercive apparatus, and budgetary resources, as well as the obligation to create conditions for the actual exercise of rights. The Russian Constitution enshrines the individual—along with their rights and freedoms—as the supreme value, and designates the recognition, observance, and protection of the rights and freedoms of man and citizen as a duty of the state. This implies that human rights are not merely a moral aspiration external to the state; rather, they serve as a legal criterion for the organization of public authority, the content of legislation, and the activities of administrative and judicial bodies.

Key words: human rights, state mechanisms for the safeguarding and protection of rights, constitution, public authority, state guarantees.

В научном плане государственный механизм охраны и защиты прав человека целесообразно понимать как институционально-процедурную систему органов публичной власти, юридических средств, процессуальных форм, гарантий и мер ответственности, с помощью которых государство предупреждает нарушения

прав, восстанавливает нарушенное право, компенсирует причиненный вред и устраняет причины правонарушений. [1] Такая конструкция соединяет нормативное, организационное, юрисдикционное, контрольное и правовосстановительное начала. В этом смысле механизм не сводится ни к судебной защите, ни к деятельности правоохранительных ор-

ганов: он охватывает весь цикл публичной работы с правом — от законодательного проектирования до исполнения судебного решения. [2; 3]

Категориально важно различать охрану и защиту прав человека. Охрана имеет превентивный, обеспечительный и регулятивный характер: государство формирует правовой режим, запрещает произвольное вмешательство, определяет компетенцию органов власти, финансирует социальные гарантии, организует доступ к публичным услугам, ведет контроль и мониторинг. Защита, напротив, актуализируется при нарушении, оспаривании или угрозе нарушения субъективного права и предполагает применение специальных процедур: обращения в суд, административной жалобы, прокурорского реагирования, конституционного контроля, компенсационных и исполнительных механизмов. Охрана отвечает на вопрос, как не допустить нарушения; защита — как устранить нарушение и восстановить правовое положение лица. [4]

Конституционная формула ст. 18 придает правам и свободам прямое институциональное значение: они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием. [5, ст. 18] Поэтому государственный механизм прав человека следует оценивать не по количеству учреждений, а по способности каждого института — парламента, правительства, суда, прокуратуры, омбудсмана, органа контроля, органа социальной защиты — превращать конституционное право в реально доступное благо. Механизм, не обеспечивающий доступности, своевременности и исполнимости результата, остается формальным.

Базовой нормой является положение о гарантированности государственной защиты прав и свобод человека и гражданина. Конституция одновременно закрепляет право каждого защищать свои права всеми способами, не запрещенными законом, что принципиально расширяет арсенал правореализации и не замыкает личность исключительно на государственных инстанциях. [5, ст. 45] Однако именно государственные средства выступают «несущей конструкцией» всей системы, поскольку они обладают общеобязательной силой: суд может отменить незаконный акт, прокурор — внести представление или обратиться в суд, Конституционный Суд — устранить неконституционную норму из правового оборота, судебный пристав — обеспечить принудительное исполнение. [6]

Статья 46 Конституции закрепляет универсальную гарантию судебной защиты, включая возможность обжалования решений и действий органов государственной власти, органов местного самоуправления, общественных объединений и должностных лиц. [5, ст. 46] Эта норма имеет не только процессуальное, но и системообразующее значение: она превращает права человека в юридически проверяемые требования, а государственную власть — в объект судебного контроля. Любое пу-

бличное решение, затрагивающее права, должно быть потенциально объяснимым, проверяемым и отменяемым в установленном законом порядке. [7]

Конституционная архитектура государственных механизмов строится на разделении публичных функций. Законодательная власть создает нормативные гарантии; исполнительная власть организует предоставление благ и услуг, принимает индивидуальные решения, осуществляет контроль; судебная власть разрешает споры и восстанавливает нарушенные права; прокуратура осуществляет надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов; уполномоченные по правам человека обеспечивают дополнительный, внесудебный канал реагирования на нарушения. Такое распределение исключает монополию какого-либо одного органа и позволяет выстроить многоуровневую систему защиты. [8]

Компетенционная основа механизма определяется разграничением ведения между Российской Федерацией и субъектами Российской Федерации. Регулирование и защита прав и свобод человека и гражданина отнесены к ведению Российской Федерации, а защита прав и свобод, защита прав национальных меньшинств, обеспечение законности, правопорядка и общественной безопасности — также к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов. [5, ст. 71, 72] Это означает, что государственные механизмы имеют федеральный каркас, но значительная часть их практической реализации происходит на региональном уровне — через органы социальной защиты, здравоохранения, образования, жилищного контроля, региональных уполномоченных и административные комиссии. [9]

После конституционной реформы 2020 г. особое значение получила категория единой системы публичной власти. Для сферы прав человека это означает необходимость согласованности федеральных, региональных и муниципальных процедур, чтобы гражданин не сталкивался с «разрывами компетенции» и перекладыванием ответственности между уровнями власти. Федеральный закон об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации закрепляет институциональные принципы такой координации. [10] Практический смысл этой идеи состоит в том, что права человека требуют не только юридического признания, но и межведомственного исполнения.

Первый уровень государственной охраны прав человека — правотворческий. Через федеральные конституционные законы, федеральные законы, законы субъектов Федерации, подзаконные акты и административные регламенты государство определяет содержание правомочий, пределы их ограничения, процедуры реализации, состав обязанностей органов власти и меры ответственности. Ошибка законодателя на этом уровне порождает массовый характер нарушений: если норма изначально неопределенна, чрезмерно ограничительна или процедурно неполна, отдельный гражданин оказывается вынужден защищать не только свое право, но и

самую конституционность правового режима. [11]

Правотворческая охрана включает не только принятие норм, но и оценку их качества. Для прав человека критически важны ясность юридического языка, предсказуемость последствий, соразмерность ограничений, недискриминационность критериев и наличие процедуры обжалования. Норма, предоставляющая органу власти чрезмерное усмотрение без процессуальных фильтров, создает риск произвола даже при формальном соответствии закону. Поэтому современная охрана прав человека должна строиться не как декларативное закрепление прав, а как проектирование безопасной правовой среды, в которой полномочие органа власти изначально ограничено правом личности. [12]

Организационно-административный механизм охраны проявляется в повседневной деятельности исполнительной власти: выдаче документов, назначении социальных выплат, предоставлении медицинской помощи, регистрации прав, обеспечении образования, рассмотрении заявлений, контроле качества услуг. Федеральный закон об организации предоставления государственных и муниципальных услуг институционализировал сервисный аспект публичной власти, включая стандартизацию процедур, межведомственное взаимодействие и электронные формы обращения. [13] В сфере прав человека это имеет принципиальное значение: нередко право нарушается не из-за отсутствия нормы, а из-за административной недоступности процедуры, очередей, отказов, несогласованности ведомственных баз данных. [14]

Административная охрана прав человека должна подчиняться модели «публичная услуга плюс публичная ответственность». Государство не только предоставляет услугу, но и несет обязанность объяснить отказ, обеспечить срок, предоставить понятный порядок обжалования и исправить ошибку. Чем более массовым является право — пенсия, пособие, медицинская помощь, образование, регистрация недвижимости, доступ к информации, — тем больше значение имеют регламенты, цифровые интерфейсы и ведомственный контроль качества. Индивидуальная жалоба в таких сферах часто выявляет системный дефект, требующий нормативного или организационного изменения.

Контрольно-надзорная деятельность также относится к охранительным механизмам, но ее назначение не должно сводиться к наказанию. Федеральный закон о государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле ориентирует контроль на достижение общественно значимых результатов и минимизацию риска причинения вреда охраняемым законом ценностям. [15] В правозащитном измерении это означает переход от карательной логики к риск-ориентированной профилактике: государство должно заранее выявлять угрозы жизни, здоровью, жилищным, трудовым, экологическим, информационным правам и устранять их до наступления необратимых последствий.

Судебная защита является центральным госу-

дарственным механизмом восстановления прав, поскольку только суд обладает конституционно гарантированной независимостью, процессуальной формой доказывания и полномочием выносить обязательное решение. Федеральный конституционный закон о судебной системе закрепляет, что судебная власть осуществляется только судами, а судебные постановления обязательны для всех органов, организаций, должностных лиц и граждан. [16] В этом проявляется качественное отличие суда от административной жалобы: суд не просит орган исправить нарушение, а юридически разрешает спор и формирует обязательный результат.

Судебный механизм имеет несколько контуров. Конституционное судопроизводство обеспечивает проверку нормативных актов на соответствие Конституции и устраняет дефекты правового регулирования, затрагивающие неопределенный круг лиц. Гражданское судопроизводство защищает частные права и личные неимущественные интересы. Административное судопроизводство предназначено для проверки публичных решений и действий. Арбитражное судопроизводство обеспечивает судебную защиту в экономической сфере, где права человека проявляются через свободу предпринимательства, право собственности и доступ к правосудию. Уголовное судопроизводство охраняет личную свободу, достоинство, неприкосновенность личности и права потерпевших. [17]

Особое место занимает Конституционный Суд Российской Федерации. Его правозащитная роль состоит не в пересмотре конкретного дела по существу, а в устранении неконституционной нормы или конституционно-правового смысла, который породил нарушение. Федеральный конституционный закон о Конституционном Суде определяет его компетенцию по разрешению дел о соответствии Конституции нормативных актов и по жалобам граждан на нарушение конституционных прав и свобод законом, примененным в конкретном деле. [18] Поэтому конституционное правосудие действует как механизм системной коррекции: оно возвращает индивидуальную жалобу на уровень нормотворчества. [19]

Правовые позиции Конституционного Суда образуют особый слой конституционных гарантий. Они конкретизируют содержание достоинства личности, равенства, судебной защиты, права собственности, социальных прав, принципа соразмерности ограничений. На официальном сайте Конституционного Суда выделен самостоятельный массив правовых позиций по правам, свободам и обязанностям, что отражает устойчивую практику конституционализации отраслевого законодательства. [20] Практическое значение этих позиций состоит в том, что они связывают законодателя, правоприменителя и суды общей юрисдикции конституционно допустимым смыслом нормы.

Административное судопроизводство стало одним из ключевых инструментов судебного контроля за публичной властью. Кодекс администра-

тивного судопроизводства Российской Федерации закрепляет процессуальную форму рассмотрения дел о защите нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан и организаций в сфере административных и иных публичных правоотношений. [21] В отличие от классического гражданского спора, административное дело предполагает проверку властного поведения, а потому требует особого распределения бремени доказывания, активной роли суда и повышенных стандартов мотивировки публичного решения.

Эффективность судебной защиты зависит не только от вынесения решения, но и от его своевременности. Затягивание процесса может само по себе стать нарушением права. Поэтому компенсационный механизм за нарушение права на судопроизводство в разумный срок и права на исполнение судебного акта в разумный срок является важной формой государственной ответственности за неэффективность правосудия. [22] Он показывает, что государство отвечает не только за незаконный исход дела, но и за организационные дефекты судебной системы, превращающие право на суд в чрезмерно длительную процедуру.

Не менее значимым элементом является открытость судебной власти. Доступ к информации о деятельности судов, публикация судебных актов, возможность электронного обращения, аудиопотоколирование и дистанционные формы участия повышают проверяемость правосудия и уменьшают риск закрытого административного усмотрения внутри самой судебной системы. Федеральный закон об обеспечении доступа к информации о деятельности судов прямо закрепляет принципы открытости и доступности соответствующей информации. [23] Однако цифровая открытость не должна подменять процессуальные гарантии: технологический интерфейс эффективен лишь тогда, когда сохраняются равенство сторон, право быть услышанным и возможность представить доказательства.

Прокуратура занимает промежуточное положение между охраной и защитой прав человека. С одной стороны, прокурорский надзор носит профилактический характер: выявляются нарушения закона, причины и условия их совершения, принимаются меры реагирования. С другой стороны, прокуратура выступает как средство защиты конкретного лица, особенно когда гражданин не способен самостоятельно обратиться в суд или нарушение имеет массовый характер. Закон о прокуратуре определяет надзор за соблюдением Конституции и исполнением законов как одну из ключевых функций прокуратуры. [24]

Преимущество прокурорского механизма заключается в его внесудебной оперативности и возможности реагировать на нарушения в деятельности органов власти, учреждений, должностных лиц. Представление, протест, предостережение, постановление о возбуждении дела об административном правонарушении, исковое заявление в защиту гражданина или неопределенного круга лиц позволяют

прокурору воздействовать на нарушение до или вне судебного процесса. В то же время прокурорский надзор не должен подменять суд: окончательное разрешение спора о праве и применение мер, существенно затрагивающих правовое положение лица, должны оставаться в сфере правосудия.

Административная жалоба является наиболее массовым и доступным механизмом защиты. Федеральный закон о порядке рассмотрения обращений граждан закрепляет право граждан направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы, органы местного самоуправления и должностным лицам, а также устанавливает обязанность их рассмотрения. [25] В правозащитной системе этот механизм выполняет две функции: индивидуальную — исправление конкретного нарушения, и информационно-диагностическую — выявление повторяющихся дефектов публичного управления.

Проблема административной жалобы состоит в риске ведомственной замкнутости: орган, допустивший нарушение, нередко оценивает собственное решение или решение подчиненной структуры. Поэтому эффективная жалоба требует независимого уровня пересмотра, мотивированного ответа, доступа заявителя к материалам, запрета формальных отписок и возможности последующего судебного контроля. Без этих условий административный порядок превращается в фильтр, затрудняющий доступ к суду, а не в средство быстрого восстановления права.

Ведомственный контроль и внутренний аудит также являются государственными механизмами охраны прав человека, хотя в учебной литературе им часто уделяется меньше внимания. Проверка законности решений подчиненных органов, служебная дисциплина, антикоррупционные процедуры, оценка качества государственных услуг, анализ жалоб, контроль соблюдения сроков — все это формирует инфраструктуру повседневной законности. Для гражданина именно ведомственный уровень часто является первым контактом с государством; следовательно, качество внутреннего контроля напрямую влияет на восприятие правового государства. [26]

Институт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации представляет собой дополнительный государственный механизм защиты, сочетающий черты парламентского контроля, медиативного правозащитного посредничества и публичного мониторинга. Федеральный конституционный закон определяет, что Уполномоченный способствует восстановлению нарушенных прав, совершенствованию законодательства о правах человека и гражданина, приведению его в соответствие с общепризнанными принципами и нормами международного права. [27] Сила этого института не в принуждении, а в публичности, авторитете, независимости оценки и способности связывать индивидуальные жалобы с системными рекомендациями.

Омбудсменский механизм особенно важен там, где формальная законность не гарантирует спра-

ведливого результата: в местах принудительного содержания, социальной сфере, миграционных отношениях, защите прав военнослужащих, инвалидов, пожилых, детей, лиц без определенного места жительства. Ежегодные доклады Уполномоченного выполняют функцию официального правозащитного мониторинга: они агрегируют обращения, выявляют типичные нарушения, предлагают законодательные и организационные меры. [28] В отличие от суда, омбудсмен не разрешает спор окончательно, но способен показать государству, что отдельное нарушение является симптомом институциональной проблемы.

Региональные уполномоченные по правам человека, уполномоченные по правам ребенка, по защите прав предпринимателей и иные специализированные институты расширяют доступность государственной защиты. Их значение особенно велико в федеративном государстве, где многие права реализуются через региональные учреждения — больницы, школы, органы социальной защиты, жилищные инспекции, службы занятости. Специализация позволяет точнее видеть уязвимость конкретных групп, однако требует координации: множество уполномоченных не должно приводить к размыванию ответственности и конкуренции компетенций.

Государственная система бесплатной юридической помощи является самостоятельной гарантией доступа к защите. Федеральный закон о бесплатной юридической помощи устанавливает правовые основы такой помощи и категории граждан, имеющих право на ее получение. [29] Для прав человека это принципиально: формальное право на суд или жалобу мало значит, если человек не способен подготовить заявление, определить ответчика, собрать доказательства и понять процессуальный срок. Юридическая помощь превращает абстрактное средство защиты в практически применимый инструмент.

Важным элементом специализированных гарантий является защита потерпевших и компенсация вреда, причиненного незаконными действиями органов власти или их должностных лиц. Конституция закрепляет право потерпевших от преступлений и злоупотреблений властью на доступ к правосудию и компенсацию причиненного ущерба, а также право каждого на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями или бездействием органов государственной власти и должностных лиц. [5, ст. 2, 17, 18, 45, 46] Эти положения связывают правозащитный механизм с ответственностью публичной власти: нарушение права должно иметь имущественные и организационные последствия для государства.

Защита права не завершается вынесением судебного акта. Если решение не исполнено, право остается декларацией, а судебная защита — незавершенной процедурой. Исполнительное производство поэтому является не техническим приложением к правосудию, а самостоятельной стадией государственного механизма защиты прав челове-

ка. Федеральный закон об исполнительном производстве закрепляет принципы законности и своевременности совершения исполнительных действий и применения мер принудительного исполнения. [30] Эти принципы имеют конституционный смысл: государство обязано обеспечить не только доступ к суду, но и реальное исполнение результата судебной защиты.

Неисполнение судебных решений особенно опасно в делах против публичной власти, поскольку нарушает баланс между гражданином и государством. Когда орган власти проигрывает спор, но фактически уклоняется от исполнения, возникает вторичное нарушение — отрицание обязательности судебной власти. Поэтому механизмы бюджетного исполнения, персональной ответственности должностных лиц, судебного штрафа, прокурорского реагирования и компенсации за длительное исполнение должны рассматриваться как элементы единой правозащитной инфраструктуры.

Исполнение решений имеет и превентивный эффект. Орган власти, знающий, что незаконное решение будет отменено, вред — взыскан, а неисполнение — повлечет дополнительные санкции, получает стимул изменять административную практику. Напротив, слабое исполнение судебных актов формирует институциональную безнаказанность. Поэтому качество государственного механизма прав человека измеряется не числом выигранных гражданами дел, а долей реально восстановленных прав и устраненных причин нарушений. [31]

До 2022 г. важным внешним контуром защиты прав для российских заявителей являлась европейская система защиты прав человека. После прекращения участия Российской Федерации в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод с 16 сентября 2022 г. Европейский суд по правам человека сохраняет компетенцию по заявлениям против России только в отношении действий или бездействия, имевших место до этой даты. [32] Эта институциональная трансформация существенно повысила нагрузку на внутренние механизмы — прежде всего суды, Конституционный Суд, прокуратуру, омбудсменов и компенсационные процедуры. [33]

Российское законодательство дополнительно установило, что постановления Европейского суда по правам человека, вступившие в силу после 15 марта 2022 г., не подлежат исполнению в Российской Федерации. [34] Для академического анализа важно не политизировать этот факт, а увидеть его правовое последствие: внутренний механизм защиты должен быть самодостаточным, сопоставимым по эффективности с международными стандартами процессуальной справедливости и способным выявлять системные нарушения без внешнего судебного давления. [31]

Международные договоры универсального уровня и общепризнанные принципы международного права сохраняют значение для российского правового пространства в пределах конституцион-

ной модели соотношения международного и национального права. Однако центр тяжести защиты сместился к национальным средствам. Это означает, что качество мотивировки национальных судебных актов, доступность конституционной жалобы, ответственность административного судопроизводства и возможность компенсации вреда приобретают не вспомогательное, а ключевое значение для легитимности всей системы прав человека.

Список литературы:

- [1] Горбунов С.В. Исторические этапы формирования национальной системы защиты прав потребителей в России // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 9–12.
- [2] Права человека: учебник / отв. ред. Е. А. Лукашева. М.: Норма, 2009. С. 27–35.
- [3] Нерсисянц В. С. Общая теория права и государства. М.: Норма, 2012. С. 248–256.
- [4] Виноградова Е.В. Суд присяжных. Российский формат // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 19–22.
- [5] Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 дек. 1993 г. (с учетом поправок) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (дата обращения: 13.06.2026).
- [6] Шеленговский П.Г. Конституционно-правовой механизм охраны и защиты прав человека и гражданина в правоприменительной деятельности // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 45–48.
- [7] Конопляникова М.В., Хавпачев А.З., Бондаренко П.К. К вопросу об электронной демократии как фундаменте современного развитого общества: этапы становления и перспективы развития // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 38–44.
- [8] Григорова А.В. Обеспечительные меры в налоговых спорах // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 21–23.
- [9] Якухина Е.В. Роль исполнительского иммунитета в обеспечении правовой стабильности и защите интересов государства // Юридическая наука и практика. 2025. № 3. С. 18–20.
- [10] Федеральный закон от 21 дек. 2021 г. № 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031> (дата обращения: 13.06.2026).
- [11] Бжахов Г.М. Противодействие коррупции в России // Юридическая наука и практика. 2025. № 1. С. 20–23.
- [12] Андреева Д.Ю. Проблема обеспечения защиты прав граждан в системе местного самоуправления новых регионов Российской Федерации // Юридическая наука и практика. 2025. № 3. С. 13–17.
- [13] Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 210-ФЗ «Об организации предоставления государственных и муниципальных услуг» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140498> (дата обращения: 13.06.2026).
- [14] Волгин П.А. Основные теоретические подходы к определению правовой культуры // Юридическая наука и практика. 2025. № 4. С. 18–20.
- [15] Федеральный закон от 31 июля 2020 г. № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102801479> (дата обращения: 13.06.2026).
- [16] Федеральный конституционный закон от 31 дек. 1996 г. № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045098> (дата обращения: 13.06.2026).
- [17] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации, Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации, Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации, Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации образуют процессуальную основу судебной защиты соответственно по гражданским, экономическим, уголовным и публично-правовым спорам.
- [18] Федеральный конституционный закон от 21 июля 1994 г. № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102031436> (дата обращения: 13.06.2026).
- [19] Аушева М.Я. Конституционно-правовой статус прокуратуры Российской Федерации: современное состояние и перспективы развития // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 79–83.
- [20] Права, свободы и обязанности в правовых позициях Конституционного Суда Российской Федерации // Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/lp/> (дата обращения: 13.06.2026).
- [21] Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (дата обращения: 13.06.2026).
- [22] Федеральный закон от 30 апр. 2010 г. № 68-ФЗ «О компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок или права на исполнение судебного акта в разумный срок» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102138001> (дата обращения: 13.06.2026).
- [23] Федеральный закон от 22 дек. 2008 г. № 262-ФЗ «Об обеспечении доступа к информации о деятельности судов в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/>

ips/?docbody=&nd=102126522 (дата обращения: 13.06.2026).

[24] Закон Российской Федерации от 17 янв. 1992 г. № 2202-1 «О прокуратуре Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102014157> (дата обращения: 13.06.2026).

[25] Федеральный закон от 2 мая 2006 г. № 59-ФЗ «О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102106413> (дата обращения: 13.06.2026).

[26] Махаев Р.М. Реформы государственной службы в Российской Федерации на современном этапе: содержание и результаты // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 232–236.

[27] Федеральный конституционный закон от 26 февр. 1997 г. № 1-ФКЗ «Об Уполномоченном по правам человека в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045861> (дата обращения: 13.06.2026).

[28] Ежегодные доклады Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации // Официальный сайт Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhegodnye-doklady> (дата обращения: 13.06.2026).

[29] Федеральный закон от 21 нояб. 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201111210005> (дата обращения: 13.06.2026).

[30] Федеральный закон от 2 окт. 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117007> (дата обращения: 13.06.2026).

[31] Хомич Е.Д. Специфика взаимодействия Президента с Парламентом в Российской Федерации // Российский научный вестник. 2025. № 2. С. 23–27.

[32] Russia ceases to be party to the European Convention on Human Rights // Council of Europe. 16 September 2022. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/russia-ceases-to-be-party-to-the-european-convention-on-human-rights> (accessed: 13.06.2026).

[33] Махаев Р.М. Реформы государственной службы в Российской Федерации на современном этапе: содержание и результаты // Российский научный вестник. 2025. № 1. С. 232–236.

[34] Федеральный закон от 11 июня 2022 г. № 183-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федера-

ции» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028> (дата обращения: 13.06.2026).

References:

[1] Gorbunov S.V. Historical Stages in the Formation of the National Consumer Protection System in Russia // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. P. 9–12.

[2] Human Rights: Textbook / Ed. by E.A. Lukasheva. Moscow: Norma, 2009. P. 27–35.

[3] Nersesyants V.S. General Theory of Law and State. Moscow: Norma, 2012. P. 248–256.

[4] Vinogradova E.V. Trial by Jury: The Russian Format // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. P. 19–22.

[5] Constitution of the Russian Federation: Adopted by popular vote on Dec. 12, 1993 (as amended) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102027595> (accessed: June 13, 2026).

[6] Shelengovsky P.G. Constitutional and Legal Mechanism for the Safeguarding and Protection of Human and Civil Rights in Law Enforcement Activities // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 45–48.

[7] Konoplyanikova M.V., Khavpachev A.Z., Bondarenko P.K. On the Issue of E-Democracy as a Foundation of a Modern Developed Society: Stages of Formation and Prospects for Development // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 38–44.

[8] Grigорова A.V. Interim Measures in Tax Disputes // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. P. 21–23.

[9] Yakukhina E.V. The role of enforcement immunity in ensuring legal stability and protecting state interests // Legal Science and Practice. 2025. No. 3. P. 18–20.

[10] Federal Law No. 414-FZ dated December 21, 2021, «On General Principles of the Organization of Public Authority in the Constituent Entities of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202112210031> (accessed: June 13, 2026).

[11] Bzhakhov G.M. Combating corruption in Russia // Legal Science and Practice. 2025. No. 1. P. 20–23.

[12] Andreeva D.Yu. The problem of ensuring the protection of citizens' rights within the local self-government system of the new regions of the Russian Federation // Legal Science and Practice. 2025. No. 3. P. 13–17.

[13] Federal Law No. 210-FZ dated July 27, 2010, «On the Organization of the Provision of State and Municipal Services» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102140498> (accessed: June 13, 2026).

[14] Volgin P.A. Key theoretical approaches to defining legal culture // Legal Science and Practice. 2025. No. 4. P. 18–20.

[15] Federal Law No. 248-FZ dated July 31, 2020, «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/>

proxy/ips/?docbody=&nd=102801479 (accessed: 13.06.2026).

[16] Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of December 31, 1996, «On the Judicial System of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045098> (accessed: 13.06.2026).

[17] The Civil Procedure Code of the Russian Federation, the Arbitrazh Procedure Code of the Russian Federation, the Criminal Procedure Code of the Russian Federation, and the Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation constitute the procedural framework for judicial protection in civil, economic, criminal, and public-law disputes, respectively.

[18] Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of July 21, 1994, «On the Constitutional Court of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102031436> (accessed: 13.06.2026).

[19] Ausheva M.Ya. Constitutional and Legal Status of the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Current State and Prospects for Development // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 79–83.

[20] Rights, Freedoms, and Obligations in the Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation // Constitutional Court of the Russian Federation. URL: <https://www.ksrf.ru/Decision/lp/> (accessed: 13.06.2026). [21] Code of Administrative Judicial Procedure of the Russian Federation: Federal Law No. 21-FZ of March 8, 2015 // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102380990> (accessed: June 13, 2026).

[22] Federal Law No. 68-FZ of April 30, 2010, «On Compensation for Violation of the Right to Judicial Proceedings within a Reasonable Time or the Right to Enforcement of a Judicial Act within a Reasonable Time» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102138001> (accessed: June 13, 2026).

[23] Federal Law No. 262-FZ of December 22, 2008, «On Ensuring Access to Information on the Activities of Courts in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102126522> (accessed: June 13, 2026).

[24] Law of the Russian Federation No. 2202-1 of January 17, 1992, «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/>

ips/?docbody=&nd=102014157 (accessed: June 13, 2026).

[25] Federal Law of 2 May 2006 No. 59-FZ «On the Procedure for Considering Appeals by Citizens of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102106413> (accessed: 13.06.2026).

[26] Makhaev R.M. Civil Service Reforms in the Russian Federation at the Present Stage: Content and Results // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 232–236.

[27] Federal Constitutional Law of Feb. 26, 1997, No. 1-FKZ «On the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102045861> (accessed: 13.06.2026).

[28] Annual Reports of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation // Official Website of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. URL: <https://ombudsmanrf.org/documents/ezhгодnye-doklady> (accessed: 13.06.2026).

[29] Federal Law of Nov. 21, 2011, No. 324-FZ «On Free Legal Aid in the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/document/0001201111210005> (accessed: 13.06.2026).

[30] Federal Law of Oct. 2, 2007, No. 229-FZ «On Enforcement Proceedings» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102117007> (accessed: 13.06.2026).

[31] Khomich E.D. Specifics of the interaction between the President and Parliament in the Russian Federation // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 2. P. 23–27.

[32] Russia ceases to be party to the European Convention on Human Rights // Council of Europe. 16 September 2022. URL: <https://www.coe.int/en/web/portal/-/russia-ceases-to-be-party-to-the-european-convention-on-human-rights> (accessed: 13.06.2026).

[33] Makhaev R.M. Civil service reforms in the Russian Federation at the present stage: content and results // Russian Scientific Bulletin. 2025. No. 1. P. 232–236.

[34] Federal Law No. 183-FZ of June 11, 2022, «On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation and Repeal of Certain Provisions of Legislative Acts of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <https://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202206110028> (accessed: 13.06.2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 20.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

КИРЬЯНОВА Татьяна Валерьевна,
магистрант, Дальневосточный институт (филиал)
«Всероссийский государственный университет юстиции
(РПА Минюста России)» в г. Хабаровске,
кафедра гражданского права и процесса,
тел.: 89243165380,
e-mail: tatyana.ivanova.1998@mail.ru

ОТКАЗ ОТ ОСВОБОЖДЕНИЯ ГРАЖДАНИНА ОТ ИСПОЛНЕНИЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ КАК СПОСОБ ЗАЩИТЫ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ИНТЕРЕСОВ КРЕДИТОРОВ В ПРОЦЕДУРАХ БАНКРОТСТВА

Аннотация. В статье проводится анализ института неосвобождения гражданина-должника от обязательств по итогам процедуры банкротства. Анализ актуальной судебной практики позволил прийти к выводу, что данный механизм можно рассматривать не только как санкцию за недобросовестное поведение, но и как важнейший, эффективный инструмент защиты имущественных прав кредиторов.

Ключевые слова: банкротство гражданина, имущественный интерес, должник, кредитор, освобождение от обязательств.

KIRYANOVA Tatyana Valerievna,
Master's student, Far Eastern Institute (branch)
of the All Russian State University of Justice
(RPA of the Ministry of Justice of Russia) in Khabarovsk,
Department of Civil Law and Procedure

REFUSAL TO RELEASE A CITIZEN FROM FULFILLING OBLIGATIONS AS A WAY TO PROTECT THE PROPERTY INTERESTS OF CREDITORS IN BANKRUPTCY PROCEDURES

Annotation. This article analyzes the mechanism of non-release of a debtor from his or her obligations following bankruptcy proceedings. An analysis of current judicial practice suggests that this mechanism can be viewed not only as a sanction for bad faith behavior but also as a crucial and effective tool for protecting creditors' property rights.

Key words: bankruptcy of a citizen, property interest, debtor, creditor, release from obligations.

Вопрос защиты имущественных интересов кредиторов в современном правовом пространстве приобретает особую значимость в связи с возрастающей сложностью экономических взаимоотношений и необходимостью обеспечения баланса между правами должников и кредиторов в процедурах банкротства. Одним из ключевых инструментов в этой системе является отказ от освобождения гражданина от исполнения обязательств.

По общему правилу, закрепленному в пункте 3 статьи 213.28 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве), после завершения расчетов с кредиторами гражданин, признанный банкротом, освобождается от дальнейшего исполнения требований кредиторов, в том числе требований кредиторов, не заявленных при введении реструктуризации долгов (реализации имущества) гражданина [1].

Основной задачей института потребительского

банкротства является социальная реабилитация гражданина – предоставление ему возможности заново выстроить экономические отношения, законно избавившись от необходимости отвечать по старым обязательствам, что в определенной степени ущемляет права кредиторов должника [2].

Институт банкротства граждан в Российской Федерации преследует две основные цели: социальную реабилитацию добросовестного должника («fresh start») и максимально возможное удовлетворение требований кредиторов.

Именно максимально полное удовлетворение требований и выступает имущественным интересом кредиторов.

Вместе с тем, в ряде случаев инициирование процедуры банкротства гражданами преследует своей целью освобождение от исполнения обязательств перед кредиторами, которые рассматривают данный правовой механизм как способ легального списания задолженности.

Законодатель предусмотрел защиту имуще-

ственных интересов кредиторов путем отказа в освобождении гражданина от исполнения обязательств, что выступает институтом, позволяющим предотвратить недобросовестное использование процедуры банкротства как инструмента для искусственного аннулирования долговых обязательств.

Таким образом, отказ в освобождении от обязательств становится единственным эффективным барьером на пути недобросовестного поведения, обеспечивающим защиту имущественных интересов кредиторов.

Согласно статье 213.28 Закона о банкротстве арбитражный суд по итогам рассмотрения дела о банкротстве гражданина может принять решение о неприменении правила об освобождении от исполнения обязательств, что означает дальнейшую обязанность должника после завершения процедуры погашать кредиторскую задолженность.

Правовые основания для отказа в освобождении гражданина от обязательств закреплены в пункте 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве.

Так, освобождение гражданина от обязательств не допускается в случае, если:

- вступившим в законную силу судебным актом гражданин привлечен к уголовной или административной ответственности за неправомерные действия при банкротстве, преднамеренное или фиктивное банкротство при условии, что такие правонарушения совершены в данном деле о банкротстве гражданина;

- гражданин не предоставил необходимые сведения или предоставил заведомо недостоверные сведения финансовому управляющему или арбитражному суду, рассматривающему дело о банкротстве гражданина, и это обстоятельство установлено соответствующим судебным актом, принятым при рассмотрении дела о банкротстве гражданина;

- доказано, что при возникновении или исполнении обязательства, на котором конкурсный кредитор или уполномоченный орган основывал свое требование в деле о банкротстве гражданина, гражданин действовал незаконно, в том числе совершил мошенничество, злостно уклонился от погашения кредиторской задолженности, уклонился от уплаты налогов и (или) сборов с физического лица, предоставил кредитору заведомо ложные сведения при получении кредита, скрыл или умышленно уничтожил имущество.

По смыслу пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве, а также разъяснений, изложенных в постановлении Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», наличие в действиях должника признаков недобросовестного поведения является достаточным основанием для неосвобождения его от дальнейшего исполнения обязательств перед кредиторами [3].

В пункте 12 Обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021),

утвержденного Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.11.2021, отмечено, что гражданин не может быть освобожден от дальнейшего исполнения требований кредиторов по итогам завершения расчетов с кредиторами в процедурах судебного банкротства или завершения процедуры внесудебного банкротства, если при возникновении или исполнении обязательств перед кредиторами он действовал незаконно или недобросовестно (в частности, осуществлял действия по сокрытию своего имущества, выведению активов, воспрепятствованию деятельности финансового управляющего и т.п.) [4].

Из анализа сводных статистических данных Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации отчета о работе арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве следует, что в отношении граждан по результатам процедуры реализации имущества завершено с неприменением правил об освобождении от исполнения обязательств за 2022 – 2 103, 2023 – 2 492, 2024 – 3 063, за 1 полугодие 2025 – 1 655 [5].

Анализ статистических данных показал рост количества завершенных дел по результатам процедур реализации имущества гражданина с неприменением правил об освобождении должника от дальнейшего исполнения требований перед кредиторами, что свидетельствует об ужесточении критериев оценки правомерности поведения должников, их добросовестности.

В качестве примеров применения механизма защиты прав кредиторов через институт неосвобождения от долгов рассмотрим ряд показательных судебных актов.

В деле № А73-7129/2024 Арбитражного суда Хабаровского края определением от 05.08.2025, оставленным без изменения постановлением Шестого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2025 № 06АП-3706/2025, постановлением Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.01.2026 № Ф03-4208/2025, процедура реализации имущества должника завершена с неприменением правил об освобождении от дальнейшего исполнения обязательств перед кредиторами. Суды трех инстанций, отклоняя возражения должника в указанной части, пришли к выводу о его недобросовестном поведении в процедуре банкротства, выразившемся в несоблюдении принципа банкротства физических лиц – обеспечения должником полной прозрачности имущественного положения, что повлекло невозможность принятия мер по удовлетворению требований кредиторов за счет реализации имущества. Доказано преднамеренное ухудшение финансового положения (расторжение трудового договора), предоставление суду противоречивых и недостоверных сведений относительно трудовой деятельности и доходов. Судами апелляционной и кассационной инстанций отмечено, что подобное поведение неприемлемо для целей получения привилегий посредством банкротства, в связи с чем,

данные обстоятельства являются препятствием к освобождению гражданина от обязательств (абзац третий пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве) [6].

В деле № А73-4656/2023 суды, исследовав и оценив доказательства, в том числе отчет финансового управляющего, судебный акт об истребовании имущества (транспортных средств, ключей и документов к ним), руководствуясь положениями статьи 213.28 Закона о банкротстве, а также разъяснениями, изложенными в пунктах 42, 43, 46 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан», установили, что должник не исполнил возложенные на него законом обязанности по сотрудничеству с финансовым управляющим, по передаче управляющему имущества, что повлияло на ход процедуры банкротства и не позволило в полной мере выявить и реализовать имущество в интересах кредиторов. С учетом установленных обстоятельств, был сделан вывод о наличии оснований для неприменения правила об освобождении должника от исполнения обязательств в связи с его недобросовестным поведением [7].

По делу Арбитражного суда Сахалинской области № А59-7237/2018, суды первой и апелляционной инстанций установили недобросовестное поведение должника, которое выражалось в сокрытии информации о фактическом месте проживания должника, в совокупности с действиями по совершению безвозмездных сделок в пользу заинтересованного лица, смене фамилии, неоднократным неисполнением требований суда в рамках дела о банкротстве, непредставлением суду информации, документации, в сокрытии общего имущества супругов и непередачи его финансовому управляющему для включения в конкурсную массу с целью погашения требований кредиторов. Суды констатировали, что должник не подлежит освобождению от исполнения требований кредиторов в силу пункта 4 статьи 213.28 Закона о банкротстве (постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.03.2026 № Ф03-290/2026) [8].

Арбитражный суд Северо-Западного округа, проверяя законность судебных актов нижестоящих инстанций по делу № А56-43334/2021, признал обоснованным отказ в освобождении гражданина от исполнения долговых обязательств, поддержав выводы судов о недобросовестности должника, которая проявилась в сообщении недостоверных сведений о доходах при получении кредита и намеренном выводе ликвидного актива в преддверии своего банкротства с целью недопущения его включения в конкурсную массу для реализации и погашения требований кредиторов [9].

Институт отказа в освобождении гражданина от исполнения обязательств является важным элементом системы защиты прав кредиторов в процедуре банкротства. Он обеспечивает баланс между гу-

маным отношением к должнику и необходимостью защиты имущественных интересов кредиторов. Эффективность этого механизма зависит от прозрачности процедуры, активности кредиторов и объективности судебной оценки действий должника. Анализ судебной практики подтверждает, что отказ от освобождения применяется как средство стимулирования ответственности должника и предотвращения злоупотреблений процедурой банкротства.

Список литературы:

- [1] Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.08.2026).
- [2] Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 25.01.2018 № 310-ЭС17-14013 по делу № А48-7405/2015 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.08.2026).
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 13.10.2015 № 45 «О некоторых вопросах, связанных с введением в действие процедур, применяемых в делах о несостоятельности (банкротстве) граждан» // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.08.2026).
- [4] Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 3 (2021), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 10.11.2021 // СПС «КонсультантПлюс». (дата обращения: 17.08.2026).
- [5] Сводные статистические сведения о деятельности федеральных арбитражных судов субъектов Российской Федерации по рассмотрению дел о банкротстве // Официальный сайт Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации. URL: <https://cdep.ru/?id=79>. (дата обращения: 17.08.2026).
- [6] Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 05.08.2025, постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 22.10.2025, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 15.01.2026 по делу № А73-7129/2024 // ИС «Картотека арбитражных дел». (дата обращения: 17.08.2026).
- [7] Определение Арбитражного суда Хабаровского края от 10.10.2025, постановление Шестого арбитражного апелляционного суда от 18.12.2025, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 16.02.2026 по делу № А73-4656/2023 // ИС «Картотека арбитражных дел». (дата обращения: 17.08.2026).
- [8] Определение Арбитражного суда Сахалинской области от 15.10.2025, постановление Пятого арбитражного апелляционного суда от 24.12.2025, постановление Арбитражного суда Дальневосточного округа от 12.03.2026 по делу № А59-7237/2018 // ИС «Картотека арбитражных дел». (дата обращения: 17.08.2026).
- [9] Определение Арбитражного суда города Санкт-Петербурга и Ленинградской области от 11.08.2025, постановление Тринадцатого архи-

тражного апелляционного суда от 10.12.2025, постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 18.03.2026 по делу № А56-43334/2021 // ИС «Картотека арбитражных дел». (дата обращения: 17.08.2026).

References:

[1] Federal Law No. 127-FZ of October 26, 2002, «On Insolvency (Bankruptcy)» // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: August 17, 2026).

[2] Ruling of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 310-ES17-14013 of January 25, 2018, in Case No. A48-7405/2015 // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: August 17, 2026).

[3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 45 of October 13, 2015, «On Certain Issues Related to the Implementation of Procedures Applied in Cases of Insolvency (Bankruptcy) of Individuals» // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: August 17, 2026).

[4] Review of Judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 3 (2021), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on November 10, 2021 // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: August 17, 2026).

[5] Consolidated statistical data on the activities of federal arbitration courts of the constituent entities of the Russian Federation regarding the hearing of bankruptcy cases // Official website of the Judicial Department at the

Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://cdep.ru/?id=79>. (accessed: August 17, 2026). [6] Ruling of the Arbitration Court of Khabarovsk Krai dated August 5, 2025; Resolution of the Sixth Arbitration Court of Appeal dated October 22, 2025; Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated January 15, 2026, in Case No. A73-7129/2024 // «Kartoteka Arbitrazhnykh Del» Information System. (Date of access: August 17, 2026).

[7] Ruling of the Arbitration Court of Khabarovsk Krai dated October 10, 2025; Resolution of the Sixth Arbitration Court of Appeal dated December 18, 2025; Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated February 16, 2026, in Case No. A73-4656/2023 // «Kartoteka Arbitrazhnykh Del» Information System. (Date of access: August 17, 2026).

[8] Ruling of the Arbitration Court of Sakhalin Oblast dated October 15, 2025; Resolution of the Fifth Arbitration Court of Appeal dated December 24, 2025; Resolution of the Arbitration Court of the Far Eastern District dated March 12, 2026, in Case No. A59-7237/2018 // «Kartoteka Arbitrazhnykh Del» Information System. (Date of access: August 17, 2026). [9] Ruling of the Arbitration Court of the City of St. Petersburg and Leningrad Region dated August 11, 2025; Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated December 10, 2025; Resolution of the Arbitration Court of the Northwestern District dated March 18, 2026, in Case No. A56-43334/2021 // «Kartoteka Arbitrazhnykh Del» Information System (accessed: August 17, 2026).

ПРАВООБРАЗОВАНИЕ И ПРАВОТВОРЧЕСТВО

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

ГОНЧАР Владимир Владимирович,

доцент кафедры информационных технологий и
организации расследования киберпреступлений
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: vg0778@bk.ru

ПАСЮКОВ Сергей Эдуардович,

сотрудник УВД по САО г. Москвы,
e-mail: spasukov2@yandex.ru

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ НОРМАТИВНО-ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРОТИВОДЕЙСТВИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В ПСЕВДОДОМЕННЫХ ЗОНАХ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В данной статье рассматриваются научные, организационные и практические подходы к нормативно-правовому регулированию противодействия преступлениям, совершаемым с использованием анонимных торговых площадок.

Ключевые слова: анонимные торговые площадки, псевдодоменная зона, зона .onion, сеть Tor, классификация анонимных торговых площадок, темный Интернет, нормативное регулирование борьбы с киберпреступлениями.

GONCHAR Vladimir Vladimirovich,

Associate Professor, Department of Information Technologies
and Organization of Cybercrime Investigations,
A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation

PASYUKOV Sergey Eduardovich,

Officer, Directorate of Internal Affairs for the
Northern Administrative District of Moscow

CERTAIN ASPECTS OF REGULATORY AND LEGAL REGULATION OF COUNTERING CRIMES COMMITTED IN PSEUDODOMAIN AREAS OF THE INTERNET

Annotation. This article examines scientific, organizational, and practical approaches to the regulatory and legal regulation of countering crimes committed using anonymous marketplaces.

Key words: anonymous marketplaces, pseudo-domain zone, .onion zone, Tor network, classification of anonymous marketplaces, the dark web, regulatory framework for combating cybercrime.

Правовое регулирование деятельности, связанной с функционированием анонимных торговых площадок в зоне .onion, осуществляется в рамках общей системы законодательства об информации и уголовно-правовых норм. Конституция Российской Федерации гарантирует право на неприкосновенность частной жизни, тайну переписки и переговоров, однако данные гарантии

могут быть ограничены в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства.

Именно на этом конституционном балансе строится правоприменительная практика при проведении оперативно-розыскных мероприятий в отношении скрытых интернет-ресурсов.

Основной нормативный акт, определяющий статус информационных ресурсов и порядок обращения с ними - Федеральный закон от 27 июля 2006г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации».

Данный закон устанавливает принципы правового регулирования отношений в сфере информации, но не содержит прямых указаний на псевдодоменные зоны или оверлейные (наложенные) сети.

На практике ресурсы .onion относят к информационным системам и сайтам в сети Интернет, распространяя на них общие требования о блокировке противоправного контента, предоставлении информации владельцами ресурсов и взаимодействии с уполномоченными органами.

Федеральный закон от 7 июля 2003г. № 126-ФЗ «О связи» регулирует отношения в области оказания услуг связи, включая услуги передачи данных.

С точки зрения противодействия анонимным площадкам, нормативное значение имеют положения об обязанности операторов связи хранить трафик иметаданные, а также предоставлять их по запросам правоохранительных органов.

Архитектура Tor изначально проектировалась для обхода традиционных точек перехвата трафика, что создает техническое противоречие с законодательными требованиями к провайдерам. В результате стандартные механизмы контроля связи оказываются малоэффективными при работе с .onion-сервисами, что вынуждает искать альтернативные правовые основания для получения информации.

Федеральный закон от 12 августа 1995г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности». Статья 6 перечисляет мероприятия, которые могут проводиться в отношении лиц, подозреваемых в совершении преступлений с использованием анонимных площадок: наблюдение, контроль почтовых отправлений, телеграфных и иных сообщений, снятие информации с технических каналов связи. Применение данных мероприятий к даркнет-среде требует специальной технической подготовки и процессуального оформления, поскольку стандартные схемы взаимодействия с операторами связи здесь неприменимы.

Законодательство допускает использование специальных технических средств, негласно получаемых информации, однако их применение должно строго соответствовать принципам законности и соразмерности, что накладывает дополнительную ответственность на должностных лиц.

Уголовный кодекс Российской Федерации не содержит специальной нормы, напрямую квалифицирующей создание или администрирование анонимной торговой площадки как самостоятельный состав преступления. При квалификации подобных преступлений правоприменительная практика опирается на совокупность статей, а именно:

ст. 138.1 УК РФ предусматривает ответственность за незаконный оборот специальных технических средств, предназначенных для негласного по-

лучения информации. Данная норма применяется к разработчикам и распространителям инструментов деанонимизации.

ст. 228.1 УК РФ (незаконное производство, сбыт или пересылка наркотических средств). Значительная доля транзакций в зоне .onion связана именно с оборотом запрещенных веществ. Следователи квалифицируют действия организаторов площадок как пособничество или организацию сбыта, в зависимости от степени их вовлеченности в логистические цепочки. Постепенно формируется подход - предоставление инфраструктуры для незаконного оборота может расцениваться как соучастие, даже при формальном нейтралитете оператора ресурса.

ст. 159 УК РФ (мошенничество) применяется в случаях, когда площадки выступают гарантом сделок, но присваивают средства пользователей (так называемые exit scam). Доказывание умысла и причинно-следственной связи в таких ситуациях осложняется анонимностью бенефициаров и использованием криптовалют. Практика привлечения к ответственности по данной норме постепенно расширяется.

ст. 187 УК РФ (неправомерный оборот средств платежных карт) и 172.1 УК РФ (незаконная организация и проведение азартных игр) также находят применение в зависимости от профиля конкретной площадки.

Международно-правовое регулирование играет ключевую роль в противодействии транснациональной преступности в Даркнет. Серверная инфраструктура, разработчики, администраторы и пользователи анонимных площадок часто находятся в разных юрисдикциях. Конвенция Совета Европы о киберпреступности (Будапештская конвенция 2001 г.) остается основным международным документом, устанавливающим стандарты криминализации компьютерных преступлений и механизмы международного сотрудничества.

Россия не является участницей данной конвенции. Но значительная часть её положений нашла отражение в российском законодательстве. Что позволяет применять схожие правовые механизмы в рамках двусторонних международных договоров.

Большое значение для международного сотрудничества имеют резолюции Генеральной Ассамблеи ООН, направленные на борьбу с транснациональной организованной преступностью и незаконным оборотом наркотических средств. Также многосторонние соглашения в рамках СНГ по вопросам информационной безопасности. Активно используются двусторонние договоры о правовой помощи по уголовным делам, которые предусматривают процедуры направления запросов о предоставлении доказательств, экстрадиции лиц и проведения совместных расследований.

Однако на практике применение этих механизмов сопряжено с серьезными трудностями. Средний срок ответа на запрос о международной правовой помощи составляет несколько месяцев. Такие задержки становятся критическими: площад-

ки успевают сменить домены, перенести серверы на новые локации или полностью прекратить свою деятельность.

Деятельность Интерпол и Европол координирует усилия национальных подразделений по борьбе с киберпреступностью. Совместные операции, такие как DisrupTor или Operation Bayonet, демонстрируют эффективность синхронизированных действий при одновременных задержаниях в нескольких странах. Правовая основа таких операций - соглашения о взаимном признании ордеров, упрощенные процедуры обмена разведывательной информацией и создание совместных следственных групп.

Но различия нормативно-правового регулирования в различных странах, особенно в вопросах допустимости цифровых доказательств и защиты персональных данных, создают барьеры для оперативного сотрудничества.

Особую сложность представляет вопрос юрисдикции. Согласно статье 12 УК РФ: российское уголовное законодательство распространяется на лиц, совершивших преступления на территории РФ, а также на граждан РФ и лиц без гражданства, постоянно проживающих в РФ, совершивших преступления вне пределов страны. Определение «место совершения преступления» весьма затруднительно. Сервер может находиться в Нидерландах, администратор - в Бразилии, разработчик - в Германии, а пользователи - по всему миру. В таких ситуациях следует регламентироваться профильными разъяснениями Верховного суда РФ.

Процессуальное оформление материалов, полученных при работе с анонимными торговыми площадками, регулируется Уголовно-процессуальным кодексом РФ.

В соответствии со статьёй 81 УПК РФ вещественными доказательствами признаются предметы, которые использовались при совершении преступления или сохранили на себе его следы. В сфере высоких технологий к таким предметам относятся серверы, жёсткие диски, USB-накопители, а также файлы и другие электронные данные.

Статья 164.1 УПК РФ специально регулирует проведение следственных действий с использованием информационных технологий. Она предусматривает порядок осмотра электронных носителей, изъятия информации и обязательную видеотекстовую фиксацию хода этих действий.

Особую сложность вызывает вопрос о доказательственном значении данных блокчейна и метаданных сети Tor. Записи в криптовалютных реестрах (Bitcoin, Monero и других) сами по себе не указывают напрямую на конкретного человека. Это всего лишь последовательность транзакций, которая становится доказательством только когда её сопоставляют с другими материалами дела. Суды всё чаще принимают такие данные, но только после компьютерно-технической экспертизы, которая подтверждает их подлинность и неизменность.

Согласно статье 80 УПК РФ в качестве доказательств может использоваться и заключение специ-

алиста. Благодаря этому следователи привлекают экспертов для разбора криптографических данных, восстановления удалённой информации и выявления связей между участниками преступной деятельности.

20 февраля 2026 г. УПК РФ дополнен новой статьёй - ст.164.2. закрепляет особенности изъятия цифровой валюты при производстве следственных действий.

При этом крайне важно строго соблюдать порядок получения электронных доказательств. Если информация получена с нарушением закона - например, через негласные мероприятия, не предусмотренные УПК, - суд может признать её недопустимой. Особенно остро этот вопрос стоит при работе с Даркнет. Оперативники нередко используют социальную инженерию, фишинг или вредоносное программное обеспечение, чтобы установить личность администраторов площадок. Судебная практика по оценке таких методов пока неоднородна: в одних случаях действия признаются законными, в других — нет. Чётких правил на этот счёт в законодательстве до сих пор нет.

Не менее внимательно нужно подходить к фиксации содержимого анонимных сайтов. Простые скриншоты без дополнительных мер защиты легко оспариваются стороной защиты. Поэтому лучше использовать специальные программы для сохранения веб-страниц, которые автоматически создают хеш-суммы и временные метки, и обязательно привлекать специалиста для составления протокола осмотра.

В целом нормативная база в этой сфере содержит определенные пробелы. В нормативно-правовых актах до сих пор нет официальных определений терминов «Даркнет», «скрытый сервис» и «псевдодоменированная зона .onion». Из-за этого возникают разночтения и сложности с квалификацией преступлений.

Регулирование криптовалют также остаётся довольно поверхностным. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах» даёт только общие рамки, но почти не затрагивает вопросы контроля за миксерами, P2P-обменниками и децентрализованными биржами, через которые часто отмываются деньги с анонимных площадок.

Кроме того, отсутствует четкий механизм признания цифровых следов (блокчейн-транзакций, логов Tor, метаданных кошельков) самостоятельными доказательствами без дополнительной верификации через традиционные источники [1].

Возможные направления совершенствования законодательства включают: введение специального определения анонимных торговых площадок в 149-ФЗ, установление упрощенной процедуры экстренного взаимодействия с иностранными регистраторами доменов и хостинг-провайдерами, закрепление статуса цифровых следов как допустимых доказательств при соблюдении технических стандартов фиксации, а также развитие института совместных следственных групп с правом оперативного обмена данными в реальном времени [2].

Понимание пробелов национального регулирования логически подводит к необходимости изучения зарубежного опыта. Многие страны уже столкнулись с аналогичными вызовами и выработали собственные подходы к правовому регулированию, техническому контролю и международному сотрудничеству.

Анализ этих решений позволит сформулировать конкретные методические рекомендации, которые будут рассмотрены в следующей главе настоящей работы.

Список литературы:

[1] Тисен О.Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам

анализа следственной и судебной практики// Российский следователь. 2024, №5. С. 7-11.

[2] Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве// Судебная власть и уголовный процесс. 2013, №2, С. 91-95.

References:

[1] Tisen O.N. Mechanism of committing crimes involving cryptocurrencies: based on an analysis of investigative and judicial practice // Russian Investigator. 2024, No. 5. Pp. 7–11.

[2] Tisen O.N. Parties to a pre-trial cooperation agreement // Judicial Power and Criminal Process. 2013, No. 2, Pp. 91–95.

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

ХАЧИРОВ Адам Валерьевич,

помощник судьи Черкесского городского суда, КЧР,

e-mail: akhachirov@mail.ru

СПЕЦИФИКА АПЕЛЛЯЦИОННОГО И КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКО-ПРОЦЕССУАЛЬНОМУ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВУ В РОССИИ

Аннотация. В статье исследуются специфические черты апелляционного и кассационного производства в гражданском процессе России через призму реформирования процессуального законодательства и разъяснений Верховного Суда РФ 2021 года. Автор анализирует ключевые различия между инстанциями: по объекту проверки (не вступившие и вступившие в законную силу судебные акты), пределам рассмотрения (установление новых обстоятельств в апелляции против проверки только вопросов права в кассации), полномочиям судов и механизмам «сплошной» и «выборочной» кассации. Особое внимание уделяется унификации гражданского и арбитражного процесса, а также дискуссионным вопросам расширения полномочий кассационных судов.

Ключевые слова: апелляционное производство, кассационное производство, проверка судебных постановлений, законность, обоснованность, пределы рассмотрения дела, сплошная кассация, выборочная кассация.

KHACHIROV Adam Valeryevich,

Assistant to the Judge, Cherkessk City Court,

Karachay-Cherkess Republic

SPECIFICS OF APPELLATE AND CASSATION PROCEEDINGS UNDER RUSSIAN CIVIL PROCEDURAL LEGISLATION

Annotation. The article examines the specific features of appellate and cassation proceedings in Russian civil procedure through the lens of procedural law reforms and 2021 clarifications issued by the Supreme Court of the Russian Federation. The author analyzes key distinctions between these judicial stages, focusing on the subject matter of review (judicial acts that have not yet entered into legal force versus those that have), the scope of review (establishing new facts in appellate proceedings versus reviewing only questions of law in cassation), court powers, and the mechanisms of «automatic» (comprehensive) versus «selective» cassation review. Particular attention is paid to the harmonization of civil and arbitral procedural rules, as well as to debated issues regarding the expansion of the powers of cassation courts.

Key words: appellate proceedings, cassation proceedings, judicial review, legality, validity, limits of case consideration, full cassation, selective cassation.

Проверка и пересмотр судебных постановлений выступают важнейшими гарантиями реализации права на судебную защиту. В российской системе гражданского судопроизводства центральное место в этом механизме занимают апелляционное и кассационное производство: с их помощью устраняются судебные ошибки и формируются единые подходы к применению права. Несмотря на то что обе инстанции направлены на проверку правильности актов нижестоящих судов, между ними имеются принципиальные различия, которые определяют их процессуальные особенности и правовую природу.

Согласно действующему Гражданскому процес-

суальному кодексу Российской Федерации (далее — ГПК РФ) [1], ключевое различие между апелляцией и кассацией обусловлено в первую очередь тем, что именно выступает объектом проверки.

Е.А. Борисова верно указывает, что «анализ теоретических положений о проверке и пересмотре судебных актов позволяет дифференцировать данные стадии по критерию вступления решения в законную силу и объему проверяемой правильности решения» [4, с. 107]. Апелляция проверяет решения и определения суда первой инстанции, которые ещё не вступили в законную силу (глава 39 ГПК РФ), тогда как кассация имеет дело исключительно с судебными постановлениями, уже вступившими в закон-

ную силу (глава 41 ГПК РФ).

Это различие носит не формальный, а сущностный характер. В апелляционном порядке суд проверяет одновременно и законность, и обоснованность решения суда первой инстанции. Апелляционная инстанция вправе устанавливать новые факты, исследовать новые доказательства и заново оценивать доказательства, уже имеющиеся в деле. По сути, речь идёт о повторном рассмотрении дела по существу, однако сопряжённом с установленными законом ограничениями.

Кассация, в свою очередь, согласно п. 1 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17, «предназначена для проверки законности вступивших в законную силу судебных постановлений, установления правильности применения и толкования норм материального права и норм процессуального права» [3].

Кассационный суд не проверяет, насколько обоснованно нижестоящие инстанции установили фактические обстоятельства и оценили доказательства — это выходит за рамки его полномочий. Исключение составляют ситуации, когда ошибки в установлении фактов или оценке доказательств были вызваны нарушением процессуальных норм.

Законодатель по-особому подошёл к тому, какие судебные акты могут быть пересмотрены в апелляции и кассации. В Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 прямо указано: судебный приказ в апелляционном порядке не обжалуется. Этот институт создан для упрощённого производства по бесспорным требованиям и потому выведен за пределы апелляционного пересмотра. Возможность обжалования судебного приказа предусмотрена только в кассации (пункт 1 части 2 статьи 377 ГПК РФ). Такое исключение показывает, какую роль играет кассация: она проверяет законность актов, минуя обычную апелляционную стадию, если дело по существу не рассматривалось либо рассматривалось в сокращённом порядке.

Апелляционное производство в гражданском процессе имеет свои особенности, которые связаны с процессуальными сроками и требованиями к тем, кто вправе обжаловать судебный акт. По части 2 статьи 321 ГПК РФ апелляционная жалоба может быть подана в течение месяца. Порядок исчисления этого срока разъяснён Пленумом Верховного Суда РФ в Постановлении № 16: срок начинает течь со дня, следующего за днём составления мотивированного решения, и заканчивается в соответствующее число следующего месяца. Если мотивированное решение составлено 31 марта, то последний день срока — 30 апреля [2]. Такие разъяснения важны, поскольку исключают вольное определение начала и окончания процессуального срока.

Одним из заметных изменений, внесённых актами Пленума Верховного Суда РФ 2021 года, стало усиление требований к профессиональному представительству. И в апелляции, и в кассации к жалобе, поданной представителем (кроме жалоб на решения мировых судей), нужно приложить ко-

пии документов, которые подтверждают наличие высшего юридического образования либо учёной степени по юридической специальности. В Постановлении № 16 сказано, что это правило касается и представителей-адвокатов, но для них подтверждающим статус документом служит ордер либо доверенность, а прилагать диплом не обязательно [2]. Важное процессуальное последствие такого регулирования состоит в том, что если копия документа об образовании уже есть в материалах дела, прикладывать её повторно не требуется, и суд не может оставить жалобу без движения по этому основанию.

Кассационное производство отличается тем, что организовано на двух уровнях. Глава 41 ГПК РФ предусматривает две инстанции кассационного пересмотра: кассационные суды общей юрисдикции (окружные) и Судебную коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 17 особо выделяет правило исчерпания способов обжалования: в кассационный суд общей юрисдикции можно обратиться только после того, как дело рассмотрено в апелляции (за исключением случаев, когда апелляционное обжалование законом не предусмотрено).

Ключевым критерием, который разграничивает полномочия апелляции и кассации, служит институт пределов рассмотрения дела. Апелляционный суд по статье 327.1 ГПК РФ связан доводами жалобы, но может выйти за их пределы, если этого требуют интересы законности. При этом он проверяет как юридическую, так и фактическую сторону дела. В Постановлении № 16 специально указано, что апелляционный суд вправе устанавливать новые обстоятельства и исследовать новые доказательства, если лицо объяснило, почему не могло представить их в первую инстанцию по не зависящим от него причинам [2].

Кассационное производство, в отличие от апелляции, имеет ограниченные пределы рассмотрения. По статье 379.6 ГПК РФ кассационный суд проверяет законность судебных постановлений, то есть то, насколько правильно применены и истолкованы нормы материального и процессуального права.

Кассационный суд не наделён полномочиями оценивать обоснованность вынесенных решений. Эта позиция была детально раскрыта в Постановлении № 17, где прямо указано: суд кассационной инстанции не может самостоятельно устанавливать фактические обстоятельства, которые ранее не были установлены или были отклонены судами первой и апелляционной инстанций. Равным образом он не вправе давать оценку достоверности доказательств и определять, какие из них имеют приоритет перед другими [3].

Одной из ключевых особенностей кассационного производства выступает механизм «сплошной» и «выборочной» кассации. Согласно действующей редакции ГПК РФ, кассационные жалобы, которые поступают в суд кассационной инстанции общей юрисдикции, сначала изучаются судьёй единолич-

но. По результатам такого изучения судья либо передаёт жалобу на рассмотрение в судебном заседании кассационного суда, либо отказывает в её передаче. Как разъясняется в Постановлении № 17, в процессе предварительного изучения судья анализирует доводы жалобы и определяет, имеются ли основания для отмены или изменения ранее вынесенных судебных постановлений [3].

Такой механизм существенно отличает кассацию от апелляционного производства. В апелляции этап фильтрации жалоб сведён к минимуму: суд первой инстанции проверяет лишь соответствие жалобы формальным требованиям статьи 322 ГПК РФ. Иными словами, в апелляционном порядке проверка приемлемости жалобы носит преимущественно формальный характер. В кассации же судья, напротив, проводит содержательный анализ и выясняет, есть ли реальные основания для пересмотра дела.

По мнению Е.А. Борисовой, подобный подход согласуется с мировой практикой работы экстраординарных инстанций. Их задача — не исправлять любую судебную ошибку, а обеспечивать единообразие судебной практики и защиту основополагающих прав [5, с. 148].

Существенные различия обнаруживаются и в объёме полномочий судов. Апелляционная инстанция вправе вынести новое судебное решение, которое полностью заменяет акт суда первой инстанции (ст. 328 ГПК РФ). Кассация такими полномочиями не обладает. Согласно смыслу ст. 390 ГПК РФ, кассационный суд может оставить обжалуемые акты без изменения, отменить их и направить дело на новое рассмотрение либо отменить акты и прекратить производство по делу (оставить заявление без рассмотрения). Из этого правила предусмотрено исключение: Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда РФ вправе изменить судебное постановление или принять новое, не возвращая дело на новое рассмотрение, если судом допущена ошибка в применении и толковании норм материального права. Однако и в этом случае кассационная инстанция не даёт новой оценки доказательствам, а лишь исправляет юридическую квалификацию.

Обратиться в апелляционную или кассационную инстанцию вправе не только лица, участвующие в деле, но и другие лица — при условии, что судебным актом решён вопрос об их правах и обязанностях. Пленум Верховного Суда РФ в Постановлениях № 16 и № 17 сформулировал единый подход: вовсе не требуется, чтобы такие лица были прямо указаны в мотивировочной или резолютивной части судебного акта. Достаточно того, что его содержание затрагивает их права и законные интересы.

Круг субъектов, наделённых правом принесения представлений, в апелляции и кассации всё же не совпадает. Прокурор может подать апелляционное представление только по делам, возбуждённым по его заявлению, либо по тем делам, в которые он вступил для дачи заключения. В кассационном производстве ситуация иная: как разъяснено в Постановлении № 17, Генеральный прокурор РФ и его

заместители вправе обратиться с представлением в любой кассационный суд общей юрисдикции, причём независимо от того, участвовали ли они фактически в рассмотрении дела судами первой и апелляционной инстанций. Тем же правом обладают прокуроры субъектов РФ, но только в границах своей компетенции [6]. Следовательно, в кассации дискреционные полномочия прокуроров по принесению представлений шире.

Важной особенностью кассационного производства выступает институт правопреемства на стадии пересмотра. В Постановлении № 17 отдельно указано: если кассационная жалоба подана правопреемником, в ней необходимо указать основание правопреемства и приложить подтверждающие документы. При отсутствии таких доказательств жалоба остаётся без движения, а если недостаток так и не устранён — возвращается заявителю. Если же уже в процессе рассмотрения дела выяснится, что представленные документы не подтверждают правопреемство либо само правоотношение не допускает правопреемства, кассационная жалоба оставляется без рассмотрения по существу. Для апелляционного производства подобные жёсткие правила не характерны: там вопрос о правопреемстве решается с большей процессуальной гибкостью.

Различия в самой природе апелляционного и кассационного производств определяют и то, как в каждом из них реализуется принцип состязательности. В апелляции действует общее правило: стороны могут представлять доказательства, заявлять ходатайства и участвовать в их исследовании. В кассации состязательность приобретает ограниченный характер — стороны вправе давать пояснения по доводам жалобы, но ссылаться на новые доказательства, которые не изучались нижестоящими судами, они не могут. Кассационный суд не исследует доказательства по правилам первой инстанции.

Доктрина гражданского процесса обращает внимание и на то, что подача жалобы влечёт разные последствия. Апелляционная жалоба приостанавливает вступление решения в законную силу: пока не истёк срок на апелляционное обжалование, принудительное исполнение решения невозможно (за исключением случаев немедленного исполнения). Кассационная жалоба подаётся на решение, которое уже вступило в законную силу, и сама по себе его исполнение не приостанавливает. Судья кассационной инстанции может приостановить исполнение решения до окончания кассационного производства, но лишь при наличии соответствующего ходатайства. Это различие подчёркивает ординарный характер апелляции и экстраординарный — кассации.

С точки зрения системного толкования ГПК РФ апелляционное и кассационное производства соотносятся как общий и исключительный способы проверки судебных актов. Апелляция доступна любому лицу, участвующему в деле, и представляет собой обычный (ординарный) способ обжалования. Касса-

цию законодатель рассматривает как дополнительный (экстраординарный) способ проверки, доступ к которому обусловлен рядом предпосылок: судебный акт должен вступить в законную силу, апелляционное обжалование должно быть исчерпано (для кассационных судов общей юрисдикции), либо исчерпано кассационное обжалование в окружном суде (для Верховного Суда РФ). Подобная модель призвана поддерживать баланс между стабильностью судебных актов и возможностью их корректировки при существенных нарушениях.

В процессуальной доктрине сегодня обосновано отмечается тенденция к сближению гражданского и арбитражного судопроизводства. Заметным шагом в этом направлении стали постановления Пленума Верховного Суда РФ от 22 июня 2021 г. № 16 и № 17, в которых нашли отражение многие правовые позиции, изначально сформированные в рамках арбитражного процесса. Однако, судя по содержанию указанных актов, сближение не равнозначно полному совпадению процессуальных институтов: различия, обусловленные характером рассматриваемых дел и структурой судебной системы, по-прежнему сохраняются.

Одним из перспективных путей развития процессуального законодательства является дальнейшее перераспределение полномочий между апелляцией и кассацией. В научной литературе справедливо указывается на необходимость расширить возможности кассационных судов изменять судебные акты, не направляя дело на новое рассмотрение, — когда фактические обстоятельства установлены полно и правильно, но при этом допущена ошибка в применении правовых норм. Такой подход способствовал бы процессуальной экономии и ускорению судопроизводства.

Своеобразие апелляционного и кассационного производства в российском гражданском процессе обусловлено правовой природой каждой из этих инстанций. Апелляция представляет собой повторное рассмотрение дела по существу: она соединяет проверку законности и обоснованности судебного акта с возможностью установить новые обстоятельства и исследовать дополнительные доказательства. Кассация, напротив, сводится к проверке законности уже вступивших в силу судебных актов, ограничена рамками вопросов права и служит обеспечению единообразного применения законодательства. Выявленные различия в объекте проверки, её пределах, полномочиях судов и процессуальных гарантиях участников свидетельствуют о функциональном разграничении указанных институтов в механизме судебной защиты. Дальнейшее совершенствование правового регулирования должно опираться как на теоретические положения процессуальной науки, так и на правоприменительную практику, отражённую в постановлениях Пленума Верховного Суда РФ 2021 года.

Список литературы:

- [1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
- [2] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 16 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 8.
- [3] Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 22.06.2021 № 17 «О применении судами норм гражданского процессуального законодательства, регулирующих производство в суде кассационной инстанции» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2021. – № 8.
- [4] Борисова Е.А. Апелляционное производство: история, теория, практика // Вестник гражданского процесса. – 2021. – Т. 11. – № 5. – С. 107–139.
- [5] Борисова Е.А. Апелляция, кассация, надзор по гражданским делам: учебное пособие. – 3-е изд., перераб. и доп. – М.: НОРМА, 2022. – 368 с.
- [6] Разъяснения прокуратуры Ярославской области от 29.06.2021 «О производстве в суде апелляционной инстанции» // Генеральная прокуратура РФ. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_76/activity/legal-education/explain/e1963845/ (дата обращения: 11.02.2026).

References:

- [1] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 // Collected Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.
- [2] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 16 dated June 22, 2021, «On the Application by Courts of Civil Procedural Law Norms Governing Proceedings in the Court of Appeal Instance» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2021. – No. 8.
- [3] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 17 dated June 22, 2021, «On the Application by Courts of Civil Procedural Law Norms Governing Proceedings in the Court of Cassation Instance» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2021. – No. 8.
- [4] Borisova E.A. Appellate Proceedings: History, Theory, and Practice // Herald of Civil Procedure. – 2021. – Vol. 11. – No. 5. – P. 107–139.
- [5] Borisova E.A. Appeal, Cassation, and Supervisory Review in Civil Cases: A Study Guide. – 3rd ed., revised and supplemented. – Moscow: NORMA, 2022. – 368 p.
- [6] Clarifications by the Prosecutor's Office of the Yaroslavl Region dated June 29, 2021, «On Proceedings in the Court of Appeal Instance» // Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – URL: https://epp.genproc.gov.ru/ru/proc_76/activity/legal-education/explain/e1963845/ (accessed: February 11, 2026).

ПРОБЛЕМЫ РОССИЙСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Дата поступления рукописи в редакцию: 17.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

ЖАРКОВА Юлия Владимировна,

магистрант второго курса департамента частного права,

Тольяттинский Государственный Университет,

Тольятти, Россия,

e-mail: uliajarkova@mail.ru

СПЕЦИФИКА ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРАНСГРАНИЧНОГО БАНКРОТСТВА ЮРИДИЧЕСКИХ ЛИЦ В РОССИИ

Аннотация. Статья посвящена теоретическим и практическим вопросам правового регулирования трансграничного банкротства юридических лиц в Российской Федерации. В рамках проведенного исследования рассмотрена судебная практика по делу о банкротстве Вествок Проджектс ЛТД. Представлен анализ судебной практики по введению основных и вторичных производств в трансграничных банкротствах арбитражного суда города Москвы 2024-2026 годов, позволяющий сделать выводы о динамике развития правового регулирования в России.

Ключевые слова: трансграничное банкротство, несостоятельность, модифицированный универсализм, центр основных интересов, основное производство, вторичное производство.

ZHARKOVA Yulia Vladimirovna,

second-year Master's student, Department of Private Law,

Togliatti State University,

Togliatti, Russia

SPECIFICS OF THE LEGAL REGULATION OF CROSS-BORDER BANKRUPTCY OF LEGAL ENTITIES IN RUSSIA

Annotation. This article addresses theoretical and practical issues regarding the legal regulation of cross-border insolvency of legal entities in the Russian Federation. The study examines judicial practice concerning the bankruptcy case of Westvok Projects Ltd. It also analyzes rulings by the Moscow Arbitrazh Court (2024–2026) on the initiation of main and secondary proceedings in cross-border insolvency cases, offering insights into the evolution of legal regulation in Russia.

Key words: cross-border bankruptcy, insolvency, modified universalism, center of main interests, main proceedings, secondary proceedings.

Введение

Трансграничная несостоятельность, как институт международного частного права, представляет большой интерес для изучения в реалиях современных политических и экономических проблем. Официально считается, что история регулирования трансграничного банкротства, а именно заключение первых международных договоров, началась в 1204 году, когда два средневековых города-государства Верона и Трент заключили договор, регулирующий передачу активов должника [14, с. 29]. Однако работа по совершенствованию механизмов правового регулирования отношений трансграничного банкротства не окончена и по сей день, не решены многие теоретические и практические проблемы данного института.

В настоящее время трансграничный характер правоотношений должника и кредиторов слабо регламентирован российским законодательством. Только 08.02.2024 года при рассмотрении дела №А40–248405/2022 о банкротстве кипрской компании «Вествок Проджектс ЛТД» Верховный суд РФ сформулировал ряд важных правовых позиций: предложил список критериев, позволяющих оценить связь иностранного должника с Россией, и разграничил по определенным критериям основное и вторичное производства [8, с. 4-9].

Отсутствие в российском законодательстве специальных правовых норм, регулирующих вопросы банкротства, осложненного иностранным элементом, побуждает российское научное сообщество постоянно обращаться к теме трансграничного бан-

кротства. Материально-правовые и процессуально-правовые аспекты трансграничного банкротства являются предметом исследования многих ученых, в том числе в работах последних лет Е.В. Моховой [6; 7], В.В. Долганичева [2; 3], В.Ю. Сильченко [3], Р.В. Балданова [1], П.Р. Квашнина [4] и других.

Процесс формирования методов правового регулирования трансграничного банкротства юридических лиц в России требует дополнительного анализа.

Основные результаты

В ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» №127-ФЗ от 26.10.2002г. (далее – Закон о банкротстве) понятие «трансграничная несостоятельность (банкротство)» упоминается как «несостоятельность (банкротство), осложненная иностранным элементом» (статья 29 Закона о банкротстве) [13]. По мнению Е.В. Моховой проявления иностранного элемента в трансграничном банкротстве заключаются в принадлежности «лиц, участвующих в деле о банкротстве» (статья 34 Закона о банкротстве) [13] и «лиц, участвующих в арбитражном процессе по делу о банкротстве» (статья 35 Закона о банкротстве) [13] разным юрисдикциям; в нахождении имущества должника в разных юрисдикциях; в возбуждении нескольких производств по делу о банкротстве в отношении одного и того же должника в разных юрисдикциях [6, с.10].

Регулированию отношений, связанных с трансграничным банкротством посвящены исследования таких известных отечественных и зарубежных ученых, как В.Ф. Попондопуло, Т.Н. Нешатаева, Л.Ю. Собина, Е.В. Мохова, Филипп Р. Вуд, Дж. Вестбрук, Пол Л. Торреманс, Л.М. ЛоПаки, Э. Джангер и многих других.

Основными моделями правового регулирования трансграничного банкротства признаны территориальность (производство в отношении одного должника в каждом государстве, в котором должник имеет активы) и универсализм (единое трансграничное производство). В настоящее время описаны и изучены некоторые модификации этих моделей, соединяющие в себе характеристики и территориальности и универсализма. Однако, ни одна из существующих моделей не позволяет на практике в полной мере обеспечить защиту прав и интересов кредиторов и должника при трансграничном банкротстве.

Тем не менее, модель модифицированного универсализма более других отвечает целям института трансграничного банкротства. Е.В. Мохова отмечает, что данная модель «упорядочивает разноюрисдикционные банкротные производства» [7] и «предполагает существование основного производства по делу о трансграничной несостоятельности (имеющего экстерриториальный эффект и признаваемого на территории всех иных государств), и территориальных вторичных или дополнительных производств; свободного выбора (автономии воли) законодательства о банкротстве и суда, компетентного возбудить производство по делу о несостоятельности» [6, с. 4].

Концепция модифицированного универсализма

использована при разработке таких международных актов, как Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности 1997 г. (далее – Закон ЮНСИТРАЛ), Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/848 от 20 мая 2015 г. о процедурах банкротства (новая редакция) (далее – Регламент ЕС), Европейская конвенция о некоторых международных аспектах банкротства (Стамбул, 1990 г.) и многие другие.

Так, Закон ЮНСИТРАЛ в статье 2 вводит определения «основного иностранного производства», «неосновного иностранного производства» и «предприятия», связывая эти понятия с местонахождением «центра основных интересов должника (п. b)» или места «постоянной экономической деятельности, охватывающей людей и товары или услуги (п. f)» [12]. Регламент ЕС в статье 3 раскрывает понятие «центра основных интересов», то есть «места, в котором должник на регулярной основе осуществляет управление своими интересами» [10]. Также Регламент ЕС разрешает в «центре основных интересов» должника открытие основных процедур банкротства с универсальной сферой применения, охватывающей собою все активы должника, и вторичных процедур банкротства имуществом должника по месту нахождения «предприятия» [10].

Согласно официальному сайту ЮНСИТРАЛ на сентябрь 2026 г. 63 государства и 66 юрисдикций использовали Закона ЮНСИТРАЛ и сопроводительное Руководство по принятию (и толкованию) при реформировании своего законодательства и систем трансграничной несостоятельности.

Закон ЮНСИТРАЛ и Регламент ЕС имеют обязательный и рекомендательный характер, однако в российское законодательство они не инкорпорированы. Единственное соглашение, которое имеет силу для России, — это Минская конвенция 1993 года, которая действует только со странами СНГ [5]. Это означает, что для признания банкротства в других странах и для выполнения решений по банкротству в России может возникнуть необходимость в дополнительных юридических процедурах и соглашениях.

Между тем, в Законе о банкротстве тема регулирования трансграничного банкротства юридических лиц затрагивается только в п. 6 ст. 1 (признание решений судов иностранных государств). В 2010 году Минэкономразвития РФ был разработан Проект ФЗ «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)», однако он до сих пор не рассмотрен [9]. В связи с этим российскими судами для разрешения вопросов правового регулирования трансграничного банкротства используются положения Закона ЮНСИТРАЛ и Регламента ЕС об основном и вторичном производствах, определении понятий «предприятие» и «центр основных интересов должника». Данные международно-правовые документы позволяют восполнить пробелы в российском праве. Так, в деле о банкротстве компании с ограниченной ответственностью Вествок Проджектс ЛТД, Республика Кипр, (далее – дело Вествок Проджектс ЛТД) Верховный суд РФ использовал положения междуна-

родных стандартов для урегулирования ряда вопросов трансграничного банкротства, неразрешенных в российском законодательстве.

В 2022 году Арбитражным судом Челябинской области было открыто конкурсное производство имущественной массы в деле №А76-31539/2021 о банкротстве иностранного юридического лица Pandora consulting LC (PO Box 590. Springates East, Government Road, Charlestown, Nevis). Ранее российские арбитражные суды занимали позицию об отсутствии у них компетенции на открытие конкурсного производства в отношении иностранного юридического лица и отказывали российским кредиторам в заявленных требованиях. Однако в деле Pandora consulting LC суд руководствовался тем, что отказ кредитору в применении предусмотренных российским Законом о банкротстве механизмов, направленных на максимально полное и соразмерное требование кредиторов в отношении находящейся на территории Российской Федерации имущественной массы иностранного юридического лица, ограничивал бы право кредитора на получение эффективной судебной защиты со стороны российского суда [11].

При рассмотрении дела Вествок Проджектс ЛТД Верховный суд РФ установил, что действующее национальное законодательство не исключает возбуждение российским судом процедуры несостоятельности (банкротства), осложненной иностранным элементом как на стороне кредитора (в частности, заявителя по делу о банкротстве), так и на стороне должника [9].

В деле Вествок Проджектс ЛТД позиция Верховного суда РФ обоснована общими правилами определения компетенции арбитражных судов Российской Федерации. При этом суд при вынесении определения прямо указал на принцип наличия «тесной связи спорного правоотношения» с территорией Российской Федерации, и отсутствием в законодательстве Российской Федерации норм, ставящих в зависимость от места нахождения органа управления юридического лица возможность введения в отношении него процедуры банкротства в рамках российской юрисдикции [8]. Кроме того, Верховный суд РФ определил критерии, позволяющие установить «тесную связь должника с территорией Российской Федерации» [8], и сформулировал открытый пере-

чень характеристик «центра основных интересов должника на территории Российской Федерации», связав его не только с имуществом или местом ведения основной хозяйственной деятельности, но и с «местонахождением большинства кредиторов», «местонахождением контролирующих должника лиц, их центром основных интересов» и рядом других параметров [8].

Тем самым Верховный суд РФ закрепил положение о возможности и обстоятельствах введения в отношении должника основного производства по делу о банкротстве, которое будет создавать эффект для всех остальных юрисдикций, распространяется на все имущество должника вне зависимости от страны его местонахождения, а также на всех кредиторов, включая иностранных [8].

Также Верховный суд РФ определил обстоятельства введения вторичного производства, которое распространяет свое действие на кредиторов и имущество, связанных с деятельностью юридического лица на территории Российской Федерации в том случае, если на территории Российской Федерации должник имеет постоянное представительство либо имущество. Целью введения вторичного производства является обеспечение защиты интересов российских кредиторов в отсутствие у них эффективного доступа к той юрисдикции, в которой должно осуществляться основное производство по делу о банкротстве [8].

К сожалению, многие практические вопросы, связанные с реализацией целей процедур банкротства остались за рамками определения Верховного суда РФ по делу №А40-248405/2022, например, проблемы распределения активов, введения реабилитационных процедур, взаимодействия арбитражных управляющих в основном и вторичном производстве и другие проблемы, неизбежно возникающие при возбуждении основного и вторичного производства в разных юрисдикциях.

Судебная практика в России после дела Вествок Проджектс ЛТД строго следует позиции Верховного суда РФ. В Таблице 1 представлены некоторые дела о банкротстве иностранных юридических лиц в 2024-2026 годах, производства по которым были возбуждены в арбитражном суде г. Москвы.

Таблица 1. Трансграничные банкротства в арбитражном суде города Москвы, 2024-2026 гг.

Должник	№ дела	Дата решения	Введенная процедура	Результат обжалования
Компания с ограниченной ответственностью «МУН-КОЙН ХОЛДИНГЗ ЛТД», Кипр	A40-105103/2024	19.08.2024	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
ГАГАРИНСКИЙ ПОРПЕРТИЗ ЛТД, Кипр	A40-108851/2024	09.09.2024	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось

Товарищество с ограниченной ответственностью АПЕКС ТРЕЙД ГМБХ, Швейцарская Конфедерация	A40-105323/2024	18.09.2024	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
Товарищество с ограниченной ответственностью «Антонио Трейд», Эстония	A40-83289/2024	27.09.2024	конкурсное производство имущественной массы	апелляционная и кассационная инстанции оставили решение в силе
Корпорация «Крестэйр Корпорэйшн», США	A40-179698/2024	17.10.2024	конкурсное производство имущественной массы	апелляционная инстанция оставила решение в силе
«Биофарм финанс девелопмент» ГмбХ, респ. Австрия	A40-133328/2024	22.10.2024	конкурсное производство имущественной массы	апелляционная и кассационная инстанции оставили решение в силе
Компания с ограниченной ответственностью «Карабибер Лимитед», Кипр	A40-187491/2024	27.01.2025	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
Компания с ограниченной ответственностью «ВиЭмЭйчайу Холдингз Лимитед», Кипр	A40-99620/2024	27.02.2025	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
МЕРИССАНИЯ ХОЛДИНГ ЛИМИТЕД, Кипр	A40-21378/2025	06.05.2025	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
Компании Позитив Ризолв Лимитед, Британские Виргинские острова	A40-97410/2025	08.07.2025	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
ФОЛЬКСВАГЕН АКЦИЕНГЕЗЕЛЬШАФТ, Германия	A40-208891/2025	20.10.2025	конкурсное производство имущественной массы	апелляционная и кассационная инстанции оставили решение в силе
ДИМОРЕСА КОММЕРШЛ ЛТД, Кипр	A40-164416/2024	12.11.2025	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
ТАЙГЕР ТРЕЙД КАПИТАЛ АГ, Швейцария	A40-213532/2025	27.11.2025	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
КАМИЛЛА ПРОПЕРТИЗ ЛИМИТЕД, Британские Виргинские острова	A40- 147985/2025	19.02.2026	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
Бевариакко Холдингс Лимитед, Кипр	A40- 243122/2024	26.02.2026	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
Файненс Мареккон Лтд, Кипр	A40- 243122/2024	02.03.2026	Наблюдение (основное производство)	Не обжаловалось
ДИВ Гмбх, Германия	A40- 258373/2025	28.04.2026	Производство по делу о банкротстве прекращено в связи с отсутствием имущественной массы на территории РФ	Не обжаловалось

Бруклайм Холдингс Лимитед, Кипр	A40- 236646/2024	15.05.2026	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
Флаури Девелопментс Лимитед, Британские Виргинские острова	A40- 149549/2025	08.06.2026	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
Турул Инвестментс Лимитед, Кипр	A40- 342484/2025	11.06.2026	конкурсное производство имущественной массы	Не обжаловалось
Файненс Мареккон Лтд, Кипр	A40- 243122/2024	02.09.2026	конкурсное производство (основное производство)	Не обжаловалось

При рассмотрении дел, указанных в Таблице 1, судами использована схема, закреплённая в деле Вествок Проджектс ЛТД:

- определена компетенция на рассмотрение дела о банкротстве иностранного лица;
- установлено нахождение центра основных интересов должника;
- установлено наличие постоянного представительства либо имущества на территории Российской Федерации;
- рассмотрен вопрос о доступе к правосудию российских кредиторов, подпадающих под сферу санкционного воздействия в стране регистрации должника, что является дополнительным основанием для введения вторичного (локального) производства.

Таким образом, правовое регулирование трансграничного банкротства юридических лиц в России осуществляется за счет сформированной судебной практики, которая под давлением внешних условий и в интересах российских (локальных) кредиторов склоняется в сторону локальных (территориальных) производств в российской юрисдикции.

Выводы

Судебная практика по делу Вествок Проджектс ЛТД оказала кардинальное влияние на процесс совершенствования механизма правового регулирования трансграничного банкротства в России. Однако, судебная практика не способна заменить полноценный нормативный правовой акт.

Дела о трансграничном банкротстве представляют собой специфический синтез юридических, экономических и политических проблем. В сложных современных геополитических и экономических условиях необходимо обеспечить правовую определенность при рассмотрении в российских судах дел о банкротстве, осложненном иностранным элементом.

В ближайшей перспективе необходимо сформировать принципы взаимодействия между основным и вторичными производствами по делам о трансграничном банкротстве юридических лиц в разных юрисдикциях на основе национальных законодательных актов, нормативно-правовых актов международного и европейского права, двусторонних и многосторонних договоров о правовой помощи в

сфере трансграничной несостоятельности.

Список литературы:

- [1] Балданов Р.В. Трансграничная несостоятельность в международном гражданском процессе: вопросы компетенции и признания иностранных банкротств: Дис. ... канд. юрид. наук. - Екатеринбург, 2025. - 253 с.
- [2] Долганичев В. В. Трансграничное банкротство и параллельные разбирательства // Арбитражный и гражданский процесс. 2021. № 8. С. 63–65.
- [3] Долганичев В.В., Сильченко В.Ю. Банкротство иностранных лиц как часть антисанкционного процесса // Российское право: образование, практика, наука. 2025. №4.
- [4] Квашнин П.Р. Дело «Вествок» и важные вопросы трансграничного банкротства в России // Закон. 2025. № 2. С. 178-187.
- [5] «Конвенция о правовой помощи и правовых отношениях по гражданским, семейным и уголовным делам» // Минск, 22.01.1993.
- [6] Мохова Е.В. Доктрина основного производства трансграничной несостоятельности юридических лиц: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - М., 2009. - 31 с.
- [7] Мохова Е.В. Банкротство иностранных компаний в Российской Федерации: теоретические основы, развитие судебной практики, проблемы и перспективы // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2024 - № 5, 6.
- [8] Определение Верховного Суда Российской Федерации от 08.02.2024г. № 305-ЭС23-15177 по делу № А40-248405/2022. // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 02.08.2026).
- [9] Проект Федерального закона «О трансграничной несостоятельности (банкротстве)» (подготовлен Минэкономразвития России) (не внесен в ГД ФС РФ, текст по состоянию на 26.09.2011). // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 02.08.2026).
- [10] Регламент Европейского Парламента и Совета Европейского Союза 2015/848 от 20 мая 2015 г. о процедурах банкротства (новая редакция). // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 02.08.2026).
- [11] Решение Арбитражного суда Челябинской области от 22.04.2022 г. по делу № А76-31539/2021. // СПС КонсультантПлюс. (дата обра-

щения: 02.08.2026).

[12] Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности от 30 мая 1997 года с Руководством по его применению и толкованию. // Организация Объединенных Наций, Нью-Йорк, 2014.

[13] Федеральный закон от 26 октября 2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (последняя редакция). // СПС КонсультантПлюс. (дата обращения: 02.08.2026).

[14] Wood P. Principles of International Insolvency. L., - 2007. - P. 619.

References:

[1] Baldanov R.V. Cross-border insolvency in international civil procedure: issues of jurisdiction and recognition of foreign bankruptcies: Dissertation... Candidate of Legal Sciences. – Yekaterinburg, 2025. – 253 p.

[2] Dolganichev V.V. Cross-border bankruptcy and parallel proceedings // Arbitration and Civil Procedure. 2021. No. 8. P. 63–65.

[3] Dolganichev V.V., Silchenko V.Yu. Bankruptcy of foreign entities as part of the anti-sanction process // Russian Law: Education, Practice, Science. 2025. No. 4.

[4] Kvashnin P.R. The «Westvok» case and important issues of cross-border bankruptcy in Russia // Zakon. 2025. No. 2. P. 178–187.

[5] «Convention on Legal Assistance and Legal Relations in Civil, Family, and Criminal Matters» // Minsk, January 22, 1993.

[6] Mokhova E.V. The doctrine of main proceedings in cross-border insolvency of legal entities: Abstract of dissertation... Candidate of Legal Sciences. – Moscow,

2009. – 31 p.

[7] Mokhova E.V. Bankruptcy of foreign companies in the Russian Federation: theoretical foundations, development of judicial practice, problems, and prospects // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. – 2024 – No. 5, 6.

[8] Ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated February 8, 2024, No. 305-ES23-15177 in case No. A40-248405/2022 // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: 02.08.2026).

[9] Draft Federal Law «On Cross-Border Insolvency (Bankruptcy)» (prepared by the Ministry of Economic Development of Russia) (not submitted to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation; text as of 26.09.2011). // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: 02.08.2026).

[10] Regulation (EU) 2015/848 of the European Parliament and of the Council of 20 May 2015 on insolvency proceedings (recast). // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: 02.08.2026).

[11] Decision of the Arbitration Court of the Chelyabinsk Region dated 22.04.2022 in Case No. A76-31539/2021. // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: 02.08.2026).

[12] UNCITRAL Model Law on Cross-Border Insolvency (30 May 1997) with Guide to Enactment and Interpretation. // United Nations, New York, 2014.

[13] Federal Law No. 127-FZ of 26 October 2002 «On Insolvency (Bankruptcy)» (latest version). // ConsultantPlus Legal Reference System. (accessed: 02.08.2026).

[14] Wood P. Principles of International Insolvency. London, 2007. P. 619.

Дата поступления рукописи в редакцию: 05.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

ГОНЧАР Владимир Владимирович,

доцент кафедры информационных технологий и
организации расследования киберпреступлений
Московская академия Следственного комитета
Российской Федерации имени А.Я. Сухарева,
e-mail: vg0778@bk.ru

ПАСЮКОВ Сергей Эдуардович,

сотрудник УВД по САО г. Москвы,
e-mail: spasukov2@yandex.ru

ОСОБЕННОСТИ ПОЛУЧЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ ПРИ ПРОТИВОДЕЙСТВИИ ПРЕСТУПЛЕНИЯМ, СОВЕРШАЕМЫМ В ПСЕВДОДОМЕННЫХ ЗОНАХ СЕТИ ИНТЕРНЕТ

Аннотация. В данной статье рассматриваются отдельные направления получения доказательственной информации при расследовании преступлений совершаемых с использованием анонимных торговых площадок.

Ключевые слова: анонимные торговые площадки, сбор доказательств, получение доказательственной информации, псевдодоменная зона, зона .onion, сеть Tor, классификация анонимных торговых площадок, темный Интернет.

GONCHAR Vladimir Vladimirovich,

Associate Professor, Department of Information Technologies
and Organization of Cybercrime Investigations,
A.Ya. Sukharev Moscow Academy of the
Investigative Committee of the Russian Federation

PASYUKOV Sergey Eduardovich,

Officer, Directorate of Internal Affairs for the
Northern Administrative District of Moscow

FEATURES OF OBTAINING EVIDENTIAL INFORMATION IN COUNTERING CRIMES COMMITTED IN PSEUDODOMAIN ZONES OF THE INTERNET

Annotation. This article examines certain approaches to obtaining evidentiary information in the investigation of crimes committed using anonymous marketplaces.

Key words: anonymous trading platforms, evidence collection, obtaining evidentiary information, pseudo-domain zone, .onion zone, Tor network, classification of anonymous trading platforms, the dark web.

Работа с материальными объектами и цифровыми носителями - это один из самых важных и ответственных этапов расследования. Именно на нём вся информация, собранная во время цифровой разведки - IP-адреса, никнеймы, хеши транзакций. Такая информация перестаёт быть просто оперативными данными и становится настоящими вещественными доказательствами.

Теперь их можно полноценно исследовать и предъявлять в суде. Здесь цена ошибки очень высока: одна мелкая оплошность при изъятии или обработке может полностью уничтожить ценность материалов или привести к тому, что суд их не примет.

Подготовка к изъятию начинается с вниматель-

ного изучения всех имеющихся разведданных.

Нужно примерно понимать, какое оборудование ожидать у подозреваемого. Если это администратор площадки, то скорее всего там будут серверы, маршрутизаторы с туннелями Tor и аппаратные криптокошельки. У рядового продавца внимание в первую очередь обращают на обычные компьютеры, мобильные телефоны и всё, что связано с упаковкой товара.

Один из главных рисков при работе с цифровыми носителями - удалённое уничтожение информации. Вредоносные программы и скрипты часто настроены на срабатывание, если владелец не подаст контрольный сигнал (dead man's switch) или если

кто-то попытается получить доступ извне.

После проникновения на объект всю технику нужно срочно отрезать от внешних сетей: отключить кабель, выключить Wi-Fi и обязательно убрать телефоны в экранирующие пакеты Faraday bags, которые полностью глушат радиосигнал.

Осмотр места происшествия и изъятие техники - две разные вещи.

Осмотр нужен, чтобы зафиксировать обстановку и найти носители.

Изъятие же делается для того, чтобы сохранить данные в том виде, в каком они были. Перед изъятием обязательно оценивают состояние устройств: включены они, выключены, зашифрованы ли диски, запущены ли виртуальные машины. От этого зависит, как действовать дальше - проводить криминалистические манипуляции на месте или забирать оборудование выключенным.

Решение об отключении питания принимают прямо на месте. Если компьютер работает и на экране видно открытые мессенджеры, браузер с авторизацией на площадке или идёт копирование файлов, то сначала снимают дампы оперативной памяти (RAM). Там могут быть ключи шифрования, пароли и последние действия пользователя. После выключения всё это пропадёт безвозвратно. Для дампа используют специальные утилиты с внешней флешки. Образ сохраняют на отдельный диск, и только потом компьютер выключают штатно. Выдергивать шнур из розетки нельзя - это ломает файловую систему и сильно усложняет последующий анализ.

Если компьютер уже выключен, его забирают как есть. Включать для проверки запрещено: автозагрузка изменит временные метки файлов и может запустить механизмы самоуничтожения. Всю изъятую технику упаковывают в антистатические пакеты и перевозят в жёстких кейсах, чтобы ничего не повредить по дороге.

Особое внимание уделяют аппаратным криптокошелькам и бумажным носителям с seed-фразами. Без PIN-кода или фразы восстановления доступ к средствам легко потерять. Поэтому во время обыска параллельно ищут любые записки с паролями, блокноты с мнемоническими фразами, фотографии экранов и другие носители с доступами.

Когда носители доставили в лабораторию, начинают создавать криминалистические копии. Обычное копирование файлов здесь не годится - при этом теряются удалённые данные и меняются атрибуты. Нужно делать полный побитовый образ всего физического диска. Чтобы случайно ничего не изменить, используют аппаратные блокираторы записи, которые физически разрешают только чтение. Без них операционная система может сама внести изменения, и образ станет бесполезным для суда.

Весь процесс подробно описывают в протоколе: модель диска, серийный номер, объём, способ подключения. Программы типа EnCase, FTK Imager или X-Ways считывают диск сектор за сектором, включая неразмеченное пространство, и формируют файл-образ. После копирования проверяют

хеш-суммы по MD5 и SHA-256. Если они совпали — копия идентична оригиналу.

Делают два образа: один идёт в работу как рабочий, второй хранят опечатанным как контрольный. После этого оригинальный носитель больше не трогают и отправляют на хранение.

Анализ цифрового образа - один из самых тяжёлых этапов. Его проводят только на рабочей копии. Сначала определяют файловую систему и монтируют образ в изолированную среду. Программа сканирует диск, восстанавливает папки, индексирует содержимое и ищет известные сигнатуры файлов. Даже удалённые файлы часто оставляют свои фрагменты на диске. Восстановление помогает найти переписку, которую пытались стереть. Анализ реестра Windows или plist-файлов macOS показывает, какие устройства подключались, когда и какие документы открывались.

Отдельно изучают данные браузеров. Даже при Tor Browser в системе могут остаться следы: временные файлы, журналы DNS, ярлыки запуска.

Если подозреваемый выходил в обычный интернет для обмена валюты, история обычного браузера покажет посещения бирж и обменников.

С зашифрованными контейнерами (Veracrypt, TrueCrypt, BitLocker) работают отдельно. Если пароль не нашли при обыске, применяют криптоанализ.

На практике люди часто ошибаются: хранят пароли в браузере, оставляют их в текстовых файлах на рабочем столе или используют один и тот же пароль для разных сервисов.

Помимо цифровых носителей, тщательно изучают материальные объекты. Упаковочные материалы (пакеты, скотч, весы) проверяют на микрочастицы, отпечатки пальцев и ДНК. Если упаковка у подозреваемого похожа на ту, что изъяли у покупателей, или есть характерный способ склеивания - это уже хороший признак конкретного продавца.

Черновые записи и блокноты часто содержат то, что человек не хочет держать в компьютере: адреса закладок, координаты встреч, расчёты, схемы логистики. Почерковедческая экспертиза устанавливает автора, химический анализ - время создания записей. Даже обрывки бумаги из мусорного ведра после восстановления иногда оказываются полезными.

Анализ движения наличных денег нужен, чтобы связать их с операциями в блокчейне [1]. Если сумма и время изъятия совпадают с выводом средств из кошелька — это косвенное доказательство таких операций. Состав купюр, серийные номера и следы веществ на банкнотах тоже имеют значение.

Когда цифровые данные и материальные объекты объединяют, вырисовывается полная картина. Переписка и фотографии товара на компьютере подкрепляются самим товаром и весами, найденными дома. Если в телефоне есть сообщения о продаже партии на определённую дату, а дома лежит точно такой же товар - цепочка доказательств становится крепкой. Цифровые следы объясняют, откуда взялись вещи, а вещи подтверждают, что цифровые планы были реальными.

Анализ метаданных фотографий и видео (EXIF) может показать модель камеры, дату и время съёмки, а иногда и координаты. Это помогает привязать человека к конкретному месту.

Сравнение временных меток - времени создания файлов, отправки сообщений и изъятия товара - позволяет восстановить последовательность действий всей группы [2].

Всё завершается правильным процессуальным оформлением. Каждое действие фиксируют в протоколах и экспертных заключениях. В протоколе выемки подробно описывают каждый предмет, где его нашли и как он выглядит. К нему прилагают таблицы хеш-сумм, акты упаковки и опечатывания.

Эксперт в заключении должен чётко ответить на вопросы следствия: история видоизменения файлов, удалялась ли информация, что находится в зашифрованных контейнерах и как всё это между собой связано.

Если работу с материальными объектами и цифровыми носителями провести правильно, то можно уверенно переходить от простого сбора информа-

ции к формированию настоящих доказательств. Эти материалы потом становятся основой для корреляции цифровых идентификаторов - этапа, на котором все разрозненные следы собирают воедино и доказывают, что они принадлежат одному человеку

Список литературы:

[1] Тисен О.Н. Механизм совершения преступлений с использованием криптовалют: по результатам анализа следственной и судебной практики// Российский следователь. 2024, №5. С. 7-11.

[2] Тисен О.Н. Субъекты досудебного соглашения о сотрудничестве// Судебная власть и уголовный процесс. 2013, №2, С. 91-95.

References:

[1] Tisen O.N. Mechanism of committing crimes involving cryptocurrencies: based on an analysis of investigative and judicial practice // Russian Investigator. 2024, No. 5. Pp. 7-11.

[2] Tisen O.N. Parties to a pre-trial cooperation agreement // Judicial Power and Criminal Process. 2013, No. 2, Pp. 91-95.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

КРАСНОВА Людмила Владимировна,
адъюнкт 3 курса Нижегородской академии МВД России,
Нижний Новгород, Россия,
тел: 8-920-066-59-50,
e-mail: mail@law-books.ru

ПРЕДСТАВЛЕНИЕ РЕЗУЛЬТАТОВ ОПЕРАТИВНО-РОЗЫСКНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ НА СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА: ПРОБЛЕМЫ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ И ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ

Аннотация. В настоящей статье исследуется институт представления результатов оперативно-розыскной деятельности на стадии возбуждения уголовного дела. На основе анализа действующего законодательства, правовых позиций Конституционного Суда Российской Федерации и доктринальных источников выявляются системные противоречия между негласным характером оперативно-розыскной деятельности и обеспечением принципов публичности и состязательности судопроизводства по уголовному делу. Особое внимание уделяется проблемам процессуальной проверки оперативной информации и вопросам, возникающим в связи с цифровизацией современной преступности. Автор обосновывает необходимость внедрения двухуровневой системы процессуализации результатов оперативно-розыскной деятельности, а также формулируются рекомендации по нормативному закреплению порядка представления результатов оперативно-розыскных мероприятий, полученных из цифровой среды. Сделан вывод о целесообразности расширения судебного контроля за происхождением оперативно-розыскной информации на начальном этапе уголовного судопроизводства.

Ключевые слова: оперативно-розыскная деятельность, возбуждение уголовного дела, представление результатов оперативно-розыскной деятельности, допустимость доказательств, оперативно-розыскное обеспечение, уголовный процесс.

KRASNOVA Lyudmila Vladimirovna,
3rd-year postgraduate cadet at the
Nizhny Novgorod Academy of the
Ministry of Internal Affairs of Russia,
Nizhny Novgorod, Russia

PRESENTATION OF RESULTS OF OPERATIONAL SEARCH ACTIVITIES AT THE STAGE OF INITIATION OF A CRIMINAL CASE: PROBLEMS OF LEGAL REGULATION AND WAYS OF IMPROVEMENT

Annotation. This article examines the institution of presenting the results of operational-search activities at the stage of initiating a criminal case. Based on the analysis of the current legislation, the legal positions of the Constitutional Court of the Russian Federation and doctrinal sources, systemic contradictions are revealed between the unspoken nature of operational-search activities and the provision of the principles of publicity and adversarial proceedings in a criminal case. Particular attention is paid to the problems of procedural verification of operational information and issues arising in connection with the digitalization of modern crime. The author justifies the need to introduce a two-level system for the proceduralization of the results of operational-search activities, and also formulates recommendations for the normative consolidation of the procedure for presenting the results of operational-search activities obtained from the digital environment. It was concluded that it is advisable to expand judicial control over the origin of operational-search information at the initial stage of criminal proceedings.

Key words: operational-search activity, initiation of a criminal case, presentation of the results of operational-search activity, admissibility of evidence, operational-search support, criminal process.

Институт использования результатов оперативно-розыскной деятельности (далее – ОРД) на стадии возбуждения уголовного дела занимает особое положение в системе современного российского уголовного процесса. Именно на данном этапе внепроцессуальная по своей правовой природе информация, полученная преимущественно негласными методами, должна трансформироваться в юридически значимые повод и основание для начала уголовного преследования. Вместе с тем системное противоречие между негласным характером ОРД и принципом обеспечения публичности и состязательности уголовного судопроизводства порождает комплекс теоретических и практических проблем, не получивших до настоящего времени адекватного законодательного разрешения. Цель настоящей статьи заключается в выявлении наиболее острых из указанных проблем и обосновании возможных направлений совершенствования правового механизма представления результатов ОРД на стадии возбуждения уголовного дела.

Прежде всего, правовую основу представления результатов ОРД образуют ст. 11 Федерального закона от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» [7] (далее – Закон об ОРД), а также ст.ст. 140, 144 и 145 Уголовно-процессуального кодекса РФ [8] (далее – УПК РФ). Статья 11 Закона об ОРД вводит норму, согласно которой результаты ОРД могут служить поводом для возбуждения уголовного дела. В свою очередь, п. 3 ч. 1 ст. 140 УПК РФ допускает использование сообщения о преступлении, полученного из иных источников, в качестве повода для возбуждения уголовного дела, что и служит правовым основанием для имплементации оперативно-розыскной информации в уголовный процесс. Сама же процедура передачи результатов ОРД для целей решения вопроса о возбуждении уголовного дела регламентирована Межведомственной инструкцией о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд [9] (далее – Инструкция). Согласно данной Инструкции, представление результатов ОРД осуществляется на основании постановления руководителя оперативного подразделения и осуществляется в форме направления рапорта об обнаружении признаков преступления с приложением полученных в ходе проведения оперативно-розыскных мероприятий материалов.

Несмотря на внешнюю упорядоченность, практика использования результатов ОРД в уголовном процессе выявляет несколько на наш взгляд серьезных дефектов существующей модели. Первый из них связан с неопределенностью правовой природы представляемых сведений. В науке уголовного процесса продолжается дискуссия относительно того, могут ли результаты ОРД выступать в качестве самостоятельного повода для возбуждения уголовного дела. С одной стороны, сторонники расширительного толкования, в числе которых А.С. Есина и А.А. Ширванов, рассматривают рапорт оперативно-го сотрудника как полноценный повод, охватывае-

мый пунктом 3 части 1 статьи 140 УПК РФ [1, с. 15]. Их оппоненты, в частности Е.В. Батыщева, настаивают на том, что оперативно-розыскная информация выполняет лишь функцию фактического основания для проведения проверочных действий в рамках уже имеющегося в производстве сообщения о преступлении [2, с. 156].

В свою очередь Конституционный Суд РФ еще в 1999 г. сформулировал своего рода компромиссную правовую позицию, указав, что результаты ОРД сами по себе не являются доказательствами, а служат лишь сведениями об источниках тех фактов, которые, будучи полученными с соблюдением требований Закона об ОРД, могут стать доказательствами после их закрепления надлежащим процессуальным путем [3]. Однако данная позиция, закрепляя принцип опосредованного использования результатов ОРД, не устраняет серьезной практической неопределенности. Так, следователь, получая рапорт, в большинстве случаев лишен возможности критически оценить способ и условия получения переданных ему данных, что ставит его в зависимость от добросовестности оперативного сотрудника [4, с. 92].

Второй блок проблем связан с методами представления оперативно-розыскной информации. Доминирующий в настоящее время метод, который заключается в направлении рапорта руководителя оперативного подразделения правоохранительного органа с приложением материалов оперативно-розыскных мероприятий, характеризуется информационной ограниченностью. Из такого рапорта, как правило, неясны условия, методы и конкретные обстоятельства получения сведений, составляющих оперативно-розыскную информацию, что впоследствии способно поставить под сомнение допустимость базирующихся на них доказательств по уголовному делу. Более предпочтительным является представление результатов ОРД в форме заключения специалиста оперативного подразделения, которое позволяет компенсировать непроцессуальный характер первоначальных данных, однако и этот метод не свободен от ограничений, обусловленных необходимостью сохранения государственной тайны.

Третий блок проблем связан с цифровой трансформацией современной преступности, которая вызвана усложнением общественных отношений, повышением уровня технической оснащенности и информатизации населения. Современные оперативно-розыскные мероприятия все чаще сталкиваются с такими явлениями, как данные о транзакциях с криптовалютами, метаданные информационно-телекоммуникационных сетей, записи с интеллектуальных систем видеонаблюдения и иными цифровыми следами. Действующее законодательство, включая упомянутую Инструкцию, не содержит унифицированных правил представления подобных материалов в качестве результатов ОРД. Использование, к примеру, распечатанных копий изображений экрана без сохранения исходных метаданных и применения криптографических методов подтверждения целостности информации существенно снижает доказа-

тельную ценность таких сведений [6, с. 128]. Данное обстоятельство актуализирует разработку концепции «цифрового представления» результатов ОРД, которая должна предусматривать стандартизированные форматы передачи данных, обязательную фиксацию контрольных сумм (хэш-сумм), а также иные необходимые технико-криминалистические мероприятия.

Наконец, наиболее существенным недостатком существующей модели, с нашей точки зрения, является постепенное снижение содержательной составляющей процессуальной проверки результатов ОРД. Сложившийся в правоприменительной практике алгоритм процессуальных действий, при котором рапорт оперативного сотрудника выступает основанием для вынесения постановления о производстве следственного действия, приводит к тому, что деятельность следователя на этапе проверки сводится преимущественно к формальной фиксации поступивших сведений. Оценка достоверности и происхождения оперативной информации при этом фактически перекладывается на оперативное подразделение. Подобное положение вступает в противоречие с принципами процессуальной самостоятельности дознавателя и следователя и состязательности уголовного процесса, создавая риск легитимации изначально либо заведомо недостоверных, либо сфальсифицированных данных.

Для преодоления указанных проблем нами предлагается комплекс взаимосвязанных мер. Во-первых, необходима замена декларативной по своему содержанию ст. 89 УПК РФ на норму, закрепляющую позитивные условия допустимости результатов ОРД. В частности, в ней следует установить, что результаты ОРД могут использоваться в доказывании исключительно в качестве основания для производства следственных и иных процессуальных действий, при условии их получения в строгом соответствии с Законом об ОРД, представления в форме, позволяющей провести первоначальную процессуальную проверку указанных данных на предмет их относимости (с обязательным указанием вида, времени, места и общих условий проведения оперативно-розыскного мероприятия), и последующего получения доказательств в порядке, предусмотренном УПК РФ.

Во-вторых, мы полагаем, что назрело внедрение двухуровневой системы процессуализации представления результатов ОРД на досудебной стадии производства по уголовному делу. Первый уровень предполагает составление специального протокола представления результатов ОРД, фиксирующего исходные параметры предоставляемой оперативно-розыскной информации без разглашения сведений, составляющих государственную или иную охраняемую законом тайну. Второй уровень включает обязательную экспертно-аналитическую оценку материалов профильным специалистом, оформляемую мотивированным экспертным заключением с указанием допустимых способов их последующей процессуальной проверки и верификации.

В-третьих, требуется законодательное закреп-

ление особого порядка представления результатов ОРД, полученных из цифровой среды, предусматривающего обязательное использование средств криптографической защиты для подтверждения целостности данных, полученных в ходе производства оперативно-розыскных мероприятий, а также их сопровождение заключением специалиста о методе извлечения и обработки таких данных.

В-четвертых, в целях укрепления судебного контроля за происхождением оперативно-розыскной информации целесообразно развитие института допроса оперативного сотрудника в закрытом судебном заседании. Предметом такого допроса должны выступать не конфиденциальные источники получения оперативной информации, а обстоятельства, значимые для оценки достоверности представленных в материалы уголовного дела сведений: условия проведения оперативно-розыскного мероприятия, технические характеристики использованной аппаратуры, а также признаки и факты, исключающие провокацию либо фальсификацию.

Реализация сформулированных предложений позволит, с одной стороны, сохранить потенциал ОРД как эффективного инструмента борьбы с преступностью и важного элемента в системе поводов для возбуждения уголовного дела, а с другой – обеспечить действительную верификацию представленных суду доказательств по уголовному делу и состязательность уголовного процесса при введении оперативно-розыскной информации в уголовный процесс.

Список литературы:

- [1] Есина А.С. Деятельность оперативного сотрудника уголовного розыска в ходе досудебного производства по уголовным делам / А.С. Есина, Д.А. Иванов, С. А. Хмелев. М. : Московский университет МВД России имени В.Я. Кикотя, 2021. 176 с.
- [2] Ширванов А.А. Досудебное производство в уголовном процессе России и его оперативно-розыскное обеспечение : монография / А.А. Ширванов, Е.В. Камнева. М. : ВНИИ МВД России, 2015. 99 с.
- [3] Батыщева Е.В. Поводы к возбуждению уголовного дела: теоретико-правовые и правоприменительные аспекты // ЮП. 2019. № 3 (90). С. 73-77.
- [4] Определение Конституционного Суда РФ от 04 февраля 1999 г. № 18-О // СПС «Консультант Плюс». (дата обращения: 06.08.2026).
- [5] Багаутдинов Ф.Н. Обеспечение публичных и личных интересов при расследовании преступлений : монография. 2-е изд. М.: Юрлитинформ, 2021. 184 с.
- [6] Епифанов С.С. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 12 августа 1995 г. № 114-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (постатейный). 2-е изд., перераб. и доп. М.: Проспект, 2025. 256 с.
- [7] Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-розыскной деятельности» (с посл. изм. и доп. от 01 апреля 2025 г. № 41-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения:

06.08.2026).

[8] Уголовно-процессуальный кодекс РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с посл. изм. и доп. от 26 июля 2026 г. № 251-ФЗ) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.08.2026).

[9] Приказ МВД России № 776, Минобороны России № 703, ФСБ России № 509, ФСО России № 507, ФТС России № 1820, СВР России № 42, ФСИН России № 535, ФСКН России № 398, СК России № 68 от 27 сентября 2013 г. «Об утверждении Инструкции о порядке представления результатов оперативно-розыскной деятельности органу дознания, следователю или в суд» (зарегистрировано в Минюсте России 05 декабря 2013 г. № 30544) // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (дата обращения: 06.08.2026).

References:

[1] Esina A.S. Activities of a Criminal Investigation Operative During Pre-trial Criminal Proceedings / A.S. Esina, D.A. Ivanov, S.A. Khmelev. Moscow: V.Ya. Kikot Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2021. 176 p.

[2] Shirvanov A.A. Pre-trial Proceedings in Russian Criminal Procedure and Their Operational-Investigative Support: Monograph / A.A. Shirvanov, E.V. Kamneva. Moscow: VNII of the Ministry of Internal Affairs of Russia, 2015. 99 p.

[3] Batyshcheva E.V. Grounds for Initiating Criminal Proceedings: Theoretical-Legal and Law-Enforcement Aspects // Yuridicheskii Vestnik (Legal Bulletin). 2019. No. 3 (90). P. 73–77.

[4] Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 18-О dated February 4, 1999 // «Consultant Plus» Legal Reference System. (Date of access: August 6, 2026).

[5] Bagautdinov F.N. Balancing Public and Private Interests in Crime Investigation: Monograph. 2nd ed. Moscow: Yuritinform, 2021. 184 p.

[6] Epifanov S.S. Scientific and Practical Commentary on Federal Law No. 114-FZ of August 12, 1995, «On Operational-Investigative Activity» (Article-by-Article). 2nd ed., revised and supplemented. Moscow: Prospekt, 2025. 256 p. [7] Federal Law No. 144-FZ of August 12, 1995, «On Operational-Investigative Activities» (as amended by Federal Law No. 41-FZ of April 1, 2025) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: August 6, 2026).

[8] Criminal Procedure Code of the Russian Federation No. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended by Federal Law No. 251-FZ of July 26, 2026) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: August 6, 2026).

[9] Joint Order of the Ministry of Internal Affairs of Russia No. 776, Ministry of Defense of Russia No. 703, FSB of Russia No. 509, FSO of Russia No. 507, FCS of Russia No. 1820, SVR of Russia No. 42, FSIN of Russia No. 535, FSKN of Russia No. 398, and Investigative Committee of Russia No. 68 dated September 27, 2013, «On Approval of the Instruction on the Procedure for Submitting the Results of Operational-Investigative Activities to the Body of Inquiry, Investigator, or Court» (registered with the Ministry of Justice of Russia on December 5, 2013, No. 30544) // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://www.pravo.gov.ru> (accessed: August 6, 2026).

Дата поступления рукописи в редакцию: 21.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

ХАЧИРОВ Адам Валерьевич,

помощник судьи Черкесского городского суда, КЧР,

e-mail: akhachirov@mail.ru

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ПЕРЕСМОТРА СУДЕБНЫХ АКТОВ В ПОРЯДКЕ АПЕЛЛЯЦИОННОГО И КАССАЦИОННОГО ПРОИЗВОДСТВА

Аннотация. В настоящей статье исследуются актуальные проблемы пересмотра судебных актов в порядке апелляционного и кассационного производства в гражданском процессе. Анализируются пределы рассмотрения дел в судах апелляционной и кассационной инстанций, соотношение правил инстанционности и последовательного обжалования, а также вопросы унификации процессуального законодательства. Особое внимание уделяется проблеме эффективности проверочных стадий как механизма исправления судебных ошибок. Автором обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования правового регулирования контрольно-проверочных производств в целях обеспечения единства судебной практики и доступности правосудия.

Ключевые слова: апелляционное производство, кассационное производство, пересмотр судебных актов, пределы рассмотрения дела, последовательное обжалование, инстанционность, унификация процессуального законодательства.

KHACHIROV Adam Valeryevich,

Assistant to the Judge, Cherkessk City Court,

Karachay-Cherkess Republic

CURRENT ISSUES REGARDING THE REVIEW OF JUDICIAL ACTS IN APPELLATE AND CASSATION PROCEEDINGS

Annotation. This article examines current issues regarding the review of judicial acts through appellate and cassation proceedings in civil litigation. It analyzes the scope of case review in appellate and cassation courts, the relationship between the rules of court hierarchy and sequential appeal, and questions concerning the unification of procedural legislation. Particular attention is paid to the effectiveness of review stages as a mechanism for correcting judicial errors. The author substantiates the need to further improve the legal regulation of review proceedings to ensure the consistency of judicial practice and access to justice.

Key words: appellate proceedings, cassation proceedings, review of judicial acts, scope of case review, sequential appeal, hierarchical structure of courts, unification of procedural legislation.

Пересмотр судебных актов в апелляции и кассации — один из ключевых институтов гражданского процессуального права. Именно на этих этапах устраняются ошибки, которые допустили суды первой инстанции. То, насколько точно закон определяет полномочия вышестоящих судов, границы проверки решений и основания для их отмены или изменения, прямо влияет на своевременность и правильность рассмотрения гражданских дел и на то, получит ли лицо реальную защиту своих нарушенных прав. Судебная реформа продолжается, и её частью является развитие контрольно-проверочных стадий, поэтому вопросы правового регулирования апелляционного и кассационного производства сегодня особенно актуальны.

Апелляционное производство обычно рассматривают как первую и обязательную ступень обжалования судебных актов, которые ещё не вступили в законную силу. Его смысл в том, чтобы решение с ошибками не приобрело законную силу. С.В. Скри-

пина справедливо указывает, что «задача апелляционного производства - не допустить (максимально) наличие судебных ошибок в судебном акте к моменту его вступления в законную силу, то есть исключить наличие оснований для кассационного и надзорного обжалования» [5, с. 66]. И действительно, апелляция должна стать тем барьером, который не пропускает необоснованные и незаконные решения к вступлению в силу. Но практика показывает, что решить эту задачу непросто.

Одна из главных проблем апелляции — определить пределы рассмотрения дела судом второй инстанции. Согласно статье 327.1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, суд апелляционной инстанции проверяет дело в рамках доводов, указанных в апелляционной жалобе, представлении и возражениях на них [1]. При этом суд вправе проверить решение первой инстанции в полном объёме, если этого требуют интересы законности, и обязан выявить безусловные основания

для отмены решения независимо от доводов жалобы. С одной стороны, такое правило соответствует принципам диспозитивности и состязательности, поскольку объём обжалования определяют сами стороны.

С другой стороны, как обоснованно отмечает С.В. Скрипина, ограничение вмешательства государства по вопросам соответствия решения суда первой инстанции требованиям закона вряд ли оправдано, поскольку «решение арбитражного суда - это акт правосудия, которым защищаются как права сторон, других лиц, участвующих в деле, так и правопорядок в государстве» [5, с. 66].

Я считаю, что суд апелляционной инстанции должен иметь более широкие полномочия по проверке судебных актов, прежде всего когда речь идёт о соблюдении процессуальных норм. Если ошибки выявляются и исправляются только в обжалованной части, за её пределами остаётся широкое поле для оснований обжалования судебных актов, которые уже вступили в законную силу.

Кассационное производство — это стадия проверки судебных актов, которые уже вступили в законную силу. По действующему законодательству кассационный суд общей юрисдикции проверяет законность постановлений судов первой и апелляционной инстанций, устанавливая, правильно ли применены и истолкованы нормы материального и процессуального права. В отличие от апелляции, кассационный суд не исследует доказательства и не устанавливает фактические обстоятельства дела, а только оценивает правильность применения правовых норм. Такое разграничение полномочий между апелляционной и кассационной инстанциями выглядит обоснованным: оно не допускает дублирования судебных функций и обеспечивает специализацию каждой инстанции.

В то же время Г.Я. Борисевич справедливо замечает, что в регулировании контрольно-проверочных стадий разных видов судопроизводства сохраняются определённые различия, и не всегда у них есть объективные причины. Автор указывает, что «в уголовном судопроизводстве происходящие преобразования в ряде случаев не отличаются своевременностью и последовательностью принимаемых мер» [4, с. 183]. Хотя это замечание относится к уголовному процессу, оно отражает общую проблему — отсутствие единого подхода к регулированию проверочных стадий в различных отраслях процессуального права.

Я согласен с позицией Г.Я. Борисевич: юридическая природа каждого уровня механизма пересмотра судебных актов — апелляционного, кассационного и надзорного производства — в процессуальном праве РФ является одинаковой (схожей), хотя и имеет специфические особенности, обусловленные сущностью и характером деликтов, которые разрешают суды [4, с. 183]. Близость юридической природы говорит о целесообразности унификации регулирования однородных правоотношений, и это в полной мере относится к гражданскому процессу.

Один из самых спорных вопросов в теории гражданского процессуального права — соотношение правил инстанционности, последовательного обжалования и исчерпания иных средств обжалования.

А.П. Федорова отмечает, что «в теории данные правила именуются учеными по-разному от «концепции последовательного обжалования» и «правила исчерпания при обжаловании судебных актов» до «принципа последовательной проверки судебных актов»» [6, с. 76]. Вместе с тем автор делает вывод, что эти понятия нужно разграничивать. По её мнению, «инстанционность напрямую влияет на содержание правила исчерпания иных средств обжалования», но тождественными эти понятия не являются.

Я согласен с А.П. Федоровой: понятия инстанционности и последовательного обжалования нужно разграничивать, поскольку отношения субординации между нижестоящими и вышестоящими судами не лежат в основе судебной системы [6, с. 77]. Последовательное обжалование — это процессуальный порядок движения дела по инстанциям, а инстанционность отражает структурное построение судебной системы.

Создание с 1 октября 2019 года апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции, работающих на экстерриториальной основе, стало важным этапом судебной реформы. Как указывает А.О. Белоус, «формирование структурно обособленных судебных инстанций, будет способствовать более эффективному обеспечению их самостоятельности, в связи с обеспечением оптимизации в распределении нагрузки при осуществлении правосудия, развитию принципа экстерриториальности» [3, с. 155]. Такое нововведение действительно позволяет укрепить независимость судей и обеспечить более эффективное рассмотрение жалоб, так как апелляционные и кассационные жалобы рассматривает не тот суд, который разрешал дело в первой инстанции. Кроме того, создание кассационных судов общей юрисдикции помогает формировать единую судебную практику, а это одна из главных задач судебной реформы.

При этом, как справедливо замечает А.О. Белоус, изменения в действующей судебной системе предполагают не только правку нормативных актов, которые напрямую регулируют деятельность судебной власти, но и системные изменения соответствующих процессуальных законов [3, с. 155]. И действительно, реформа судостроительства должна опираться на адекватные преобразования процессуального законодательства. В этом смысле заслуживает внимания Федеральный закон от 1 апреля 2025 года № 49-ФЗ, которым в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации внесены изменения, вступающие в силу с 1 января 2026 года [2].

Согласно указанным изменениям, судам апелляционной инстанции передаются полномочия решать вопросы приемлемости апелляционных жалоб. Кроме того, заявление о восстановлении пропущенного процессуального срока теперь подаётся в суд апелляционной инстанции, а не в суд первой инстанции.

Эти нововведения, бесспорно, направлены на оптимизацию апелляционного производства, но вызывают и определённые вопросы. В частности, передача апелляционному суду полномочий по решению вопросов приемлемости жалоб может обернуться дополнительной нагрузкой на судей апелляционной инстанции и увеличением сроков рассмотрения дел.

Отдельно стоит остановиться на основаниях отмены или изменения судебных актов в кассационном порядке. По статье 379.7 ГПК РФ, основаниями для отмены или изменения судебных постановлений кассационным судом общей юрисдикции являются существенные нарушения норм материального либо процессуального права, которые повлияли на исход дела и без устранения которых невозможно восстановить и защитить нарушенные права, свободы и законные интересы. При этом законодатель использует оценочную категорию «существенность», а это даёт кассационной инстанции немалую свободу усмотрения. С одной стороны, такое решение позволяет учитывать конкретные обстоятельства дела, с другой — создаёт риск неединообразного применения правовых норм.

Анализ судебной практики показывает, что кассационные суды общей юрисдикции довольно активно пользуются своими полномочиями. Как отмечает Г.Я. Борисевич, «за прошедшие пять лет кассационные суды общей юрисдикции показали высокую эффективность своей деятельности, строгое следование закону, неуклонное соблюдение фундаментальных основ правосудия, тщательно проверяя во всех видах процесса законность судебных актов, вступивших в законную силу» [4, с. 186]. В то же время анализ определений и постановлений кассационных судов свидетельствует: бывают случаи, когда «имеющиеся в делах доказательства попросту не исследовались в заседаниях суда первой инстанции, а в некоторых случаях и апелляционной инстанцией». Это говорит о том, что проблема качества правосудия на уровне первой и апелляционной инстанций по-прежнему стоит остро, и кассационным судам приходится восполнять пробелы, допущенные нижестоящими судами.

Одним из ключевых направлений реформирования проверочных производств выступает унификация процессуальных норм. Г.Я. Борисевич обоснованно указывает, что совокупность межотраслевых институтов, которые определяют порядок апелляционного, кассационного и надзорного производства согласно ГПК, АПК, КАС и УПК РФ, образует подотрасль процессуального права России, обладающую собственным предметом и методами [4, с. 187]. Причины существования и развития данной подотрасли кроются в единстве судебной системы, сходстве правовой природы проверочных производств в различных видах судопроизводства, а также в необходимости гарантировать равный уровень защиты прав граждан и организаций. Придерживаясь этой точки зрения, полагаю, что дальнейшее сближение процессуальных норм об апелляционном и кассационном производстве следует отнести к приоритет-

ным задачам совершенствования законодательства.

В завершение необходимо отметить, что пересмотр судебных актов в апелляционном и кассационном порядке служит ключевым инструментом обеспечения законности и обоснованности судебных решений. Хотя за последние годы в ходе судебной реформы были проведены серьёзные преобразования, ряд проблем по-прежнему остаётся нерешённым. К ним относятся: недостаточная определённость границ рассмотрения дела судом апелляционной инстанции, различия в правовом регулировании проверочных стадий в отдельных отраслях процессуального права, а также вопросы доступности кассационного производства для лиц, участвующих в деле. Дальнейшее развитие процессуального законодательства должно быть направлено на поиск разумного баланса между принципами диспозитивности и состязательности, с одной стороны, и задачей обеспечения законности и единства судебной практики — с другой. Только такой подход позволит выстроить действенный механизм пересмотра судебных актов, обеспечивающий реальную защиту нарушенных прав и законных интересов граждан и организаций.

Список литературы:

- [1] Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2002. – № 46. – Ст. 4532.
- [2] Федеральный закон от 01.04.2025 № 49-ФЗ «О внесении изменений в Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru>. – 01.04.2025. – Номер опубликования: 0001202504010020. (дата обращения: 15.08.2026).
- [3] Белоус А.О. Правовые перспективы развития системы обжалования и проверки судебных решений при осуществлении деятельности апелляционных и кассационных судов общей юрисдикции // Молодой ученый. 2019. № 12 (250). С. 155-157.
- [4] Борисевич Г.Я. О единстве межотраслевых институтов, регулирующих пересмотр судебных актов в апелляционном, кассационном, надзорном порядке, в процессуальном праве Российской Федерации // Труды Института государства и права РАН. 2025. № 1. С. 179-212.
- [5] Скрипина С.В. Роль апелляционного и кассационного производства в исправлении судебных ошибок // Отечественная юриспруденция. 2017. № 5 (19). С. 65-68.
- [6] Федорова А.П. К вопросу о соотношении правил инстанционности, исчерпания иных средств обжалования и последовательного обжалования судебных актов в цивилистическом процессе // Юридические исследования. 2022. № 5. С. 76-87.

References:

- [1] Civil Procedure Code of the Russian Federation No. 138-FZ dated November 14, 2002 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 46. – Art. 4532.

[2] Federal Law No. 49-FZ dated April 1, 2025, «On Amendments to the Civil Procedure Code of the Russian Federation» // Official Internet Portal of Legal Information. URL: <http://pravo.gov.ru>. – April 1, 2025. – Publication number: 0001202504010020. (accessed: August 15, 2026).

[3] Belous A.O. Legal prospects for the development of the system for appealing and reviewing court decisions within the activities of appellate and cassation courts of general jurisdiction // *Molodoy Ucheny* [Young Scientist]. 2019. No. 12 (250). Pp. 155–157.

[4] Borisevich G.Ya. On the unity of inter-branch institutions regulating the review of judicial acts via

appellate, cassation, and supervisory procedures in the procedural law of the Russian Federation // *Proceedings of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences*. 2025. No. 1. Pp. 179–212.

[5] Skripina S.V. The role of appellate and cassation proceedings in correcting judicial errors // *Otechestvennaya Yurisprudentsiya* [Domestic Jurisprudence]. 2017. No. 5 (19). Pp. 65–68.

[6] Fedorova A.P. On the relationship between the rules of court hierarchy, the exhaustion of other means of appeal, and the sequential appealing of judicial acts in civil procedure // *Yuridicheskie Issledovaniya* [Legal Studies]. 2022, No. 5, pp. 76–87.

Дата поступления рукописи в редакцию: 22.07.2026 г.

Дата принятия рукописи в печать: 23.08.2026 г.

ГРЕБЕНКИН Григорий Сергеевич,

Уральский институт управления – филиал РАНХиГС,
кафедра гражданского права и процесса, Екатеринбург, Россия,

тел.: +7 (922) 437-24-92,

тел.: +7 (343) 251-76-67,

e-mail: grigoriy.grebenkin@gmail.com

Научный руководитель:

МАНСУРОВ Гафур Закирович,

доктор юридических наук, доцент,

e-mail: mansurov-gz@ranepa.ru

ОСНОВАНИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ ПРАВ НА КОМПОНЕНТЫ ВИДЕОИГРЫ: РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ПРАВ МЕЖДУ РАЗРАБОТЧИКАМИ

Аннотация. Цель исследования – установить, как различия в правовом основании создания отдельных компонентов видеоигры определяют распределение исключительных прав между организатором игры и непосредственными создателями этих компонентов. Объектом исследования являются гражданско-правовые отношения между организатором создания видеоигры как сложного объекта и авторами входящих в ее состав результатов интеллектуальной деятельности. Работа выполнена на материале части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации, разъяснений и обзора судебной практики Верховного Суда Российской Федерации, доктринальных источников 2015–2025 годов и законодательства США о служебном произведении. Используются формально-юридический метод, метод анализа судебной практики и элементы сравнительно-правового метода. Показано, что видеоигра как сложный объект (ст. 1240 ГК РФ) объединяет разнородные по правовому режиму компоненты: созданные штатными работниками (ст. 1295 ГК РФ), привлеченными авторами по договору авторского заказа (ст. 1288–1289 ГК РФ) и совместно несколькими лицами в режиме соавторства (ст. 1258 ГК РФ). Установлено, что квалификация компонента как служебного произведения требует доказанного вхождения творческой задачи в трудовую функцию работника, причем бремя доказывания несет работодатель. Для компонента, созданного по договору авторского заказа, результат зависит от того, создавался ли он специально для игры: в этом случае действует презумпция абзаца второго пункта 1 статьи 1240 ГК РФ в пользу организатора взамен общего правила пункта 3 статьи 1233 ГК РФ о лицензии. Предложена модель разграничения правовых режимов компонентов в виде последовательности из трех проверяемых вопросов, применимая при составлении трудовых договоров и договоров авторского заказа.

Ключевые слова: видеоигра, сложный объект, служебное произведение, договор авторского заказа, соавторство, программа для ЭВМ, распределение исключительных прав, трудовая функция работника.

GREBENKIN Grigory Sergeevich,

Ural Institute of Management – branch of RANEPa,
Yekaterinburg, Russia

Academic supervisor:

MANSUROV Gafur Zakirovich,

Doctor of Law, Associate professor

FOUNDATIONS FOR THE EMERGENCE OF RIGHTS TO VIDEO GAME COMPONENTS: ALLOCATION OF RIGHTS AMONG DEVELOPERS

Annotation. The purpose of the study is to establish how the legal basis for creating a video game component determines allocation of the exclusive right between the game's organizer and the component's direct creator. The object of the study is the civil-law relations between the organizer of a video game as a complex object and the authors of its component results. The study draws on Part Four of the Russian Civil Code, the explanations and the review of judicial practice of the Supreme Court of the Russian Federation, Russian doctrinal sources of 2015–2025, and United States work-made-for-hire law, using the formal-legal method, analysis of judicial practice, and elements of the comparative-legal method. A video game as a complex object (Art. 1240) is shown to combine components created on heterogeneous legal grounds: as works made for hire under Art. 1295, under commissioned-work agreements

(Arts. 1288–1289), or jointly under joint authorship (Art. 1258). Classifying a component as a work made for hire requires proof that the creative task fell within the employee's job function, and the burden of that proof lies with the employer. For a commissioned component, the outcome depends on whether it was created specifically for the game: this triggers the presumption under Art. 1240(1) favouring the organizer instead of the general licence rule of Art. 1233(3). A three-question model for differentiating the legal regimes of components is proposed, usable in drafting employment and commissioned-work agreements.

Key words: video game, complex object, work made for hire, commissioned work agreement, joint authorship, computer program, allocation of exclusive rights, employee's job function.

Введение

Актуальность обращения к теме объясняется устойчивым ростом числа компонентов видеоигр – программного кода, аудиовизуальных и музыкальных элементов, – вовлекаемых разработчиками в гражданский оборот, при отсутствии в российском праве специального регулирования этой сферы. Вопрос о принадлежности прав решается по общим нормам о сложном объекте, служебном произведении, авторском заказе и соавторстве, что порождает практическую неопределенность и на уровне трудовых, и на уровне гражданско-правовых отношений между организатором проекта и создателями отдельных компонентов.

Видеоигра как объект гражданского оборота на протяжении последнего десятилетия последовательно рассматривается в российской правовой доктрине через призму статьи 1240 Гражданского кодекса Российской Федерации о сложном объекте. В. В. Архипов одним из первых показал, что квалификация видеоигры как программы для ЭВМ либо как сложного объекта не может быть дана универсально: она зависит от конкретных технических особенностей устройства и содержания каждой игры [1]. Коллективная работа 2023 года расширила этот подход до анализа компьютерных игр как самостоятельного предмета юридических исследований с учетом их медийной природы [2]. Систематизация признаков и видов сложных объектов, предпринятая в новейшей литературе, также ведется на уровне объекта в целом [3]. Отдельно вопросы правового режима мультимедийного продукта как совокупности результатов интеллектуальной деятельности разработаны в монографии Е. С. Гринь (Котенко), заложившей основы российской доктрины в этой области [4]. Все эти направления сосредоточены на квалификации игры как единого целого и отвечают на вопрос, на каком основании организатор проекта (издатель, продюсер, работодатель-разработчик) приобретает право использовать входящие в игру результаты интеллектуальной деятельности в совокупности.

Открытым при этом остается вопрос иного уровня: кому и на каком основании изначально принадлежит исключительное право на каждый отдельно взятый компонент видеоигры. Речь идет о программном коде, персонажах, музыке, текстах, графических и анимационных элементах до того, как права на них консолидируются у организатора. Настоящая статья сосредоточена именно на этом, предшествующем уровне анализа и предлагает дифференцированную модель распределения прав на компоненты видеои-

гры в зависимости от правового основания их создания. Квалификация видеоигры в целом как программы для ЭВМ либо мультимедийного продукта составляет самостоятельный предмет исследования и здесь не рассматривается.

Цель настоящей статьи – установить, как различия в правовом основании создания отдельных компонентов видеоигры определяют распределение исключительных прав между организатором игры и непосредственными создателями этих компонентов. Для ее достижения решаются следующие задачи: определить пределы действия правила о консолидации прав организатором сложного объекта; раскрыть условия квалификации компонента как служебного произведения; установить, при каких обстоятельствах включается презумпция перехода исключительного права по договору авторского заказа; разграничить уровни применения категорий соавторства; свести полученные результаты в проверяемую последовательность вопросов. Методологическую основу составили формально-юридический метод (анализ статей 1229, 1233, 1240, 1258, 1288, 1289 и 1295 ГК РФ), метод анализа судебной практики (разъяснения Пленума Верховного Суда Российской Федерации и обзор судебной практики, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г.) и элементы сравнительно-правового метода (обращение к законодательству и судебной практике США о служебном произведении). Научная новизна работы состоит в смещении уровня анализа: вместо очередного довода в пользу той или иной квалификации игры как целого показано, что для практики распределения прав такая квалификация вторична, а определяющим является статус каждого компонента и основание его создания. Показано, в частности, что предусмотренная пунктом 1 статьи 1240 ГК РФ консолидация прав организатором не является самоисполнимой: при дефекте основания создания отдельного компонента организатор не приобретает права его использования, несмотря на фактическое включение компонента в игру.

Общее правило консолидации прав организатором сложного объекта

Согласно пункту 1 статьи 1240 ГК РФ, лицо, организовавшее создание сложного объекта, приобретает право использования входящих в него результатов интеллектуальной деятельности на основании договоров с обладателями исключительных прав на эти результаты; сам по себе факт организации проекта такого права не порождает [5]. Фигура организатора и природа принадлежащих ему правомочий

составляют самостоятельный предмет исследования в отечественной доктрине авторского права [6]. Для каждого компонента видеоигры значение имеет, следовательно, не квалификация игры в целом, а конкретное основание, на котором создан именно этот компонент: трудовые отношения, договор авторского заказа либо совместный труд нескольких лиц.

Применение этой нормы к видеоигре предполагает отнесение игры к сложным объектам. Перечень таких объектов в пункте 1 статьи 1240 ГК РФ закрытый: кинофильм, иное аудиовизуальное произведение, театральное зрелищное представление, мультимедийный продукт, база данных. Видеоигра охватывается этим перечнем как мультимедийный продукт [4]. Тезис о вторичности квалификации игры следует понимать в связи с этим в узком смысле: для распределения прав на компоненты безразличен спор о том, считать ли игру преимущественно программой для ЭВМ или мультимедийным продуктом, тогда как отнесение игры к сложным объектам является предпосылкой применения статьи 1240 ГК РФ и далее предполагается. Три названных основания создания компонентов разбираются ниже.

Служебное произведение как основание возникновения прав у работодателя

Первое и наиболее распространенное основание создания компонентов видеоигры в штатной студии-разработчике – институт служебного произведения (ст. 1295 ГК РФ). Согласно этой норме, исключительное право на произведение, созданное в пределах установленных для работника трудовых обязанностей, по общему правилу принадлежит работодателю, если договором между ними не предусмотрено иное. Ключевым условием применения нормы выступает буквальное вхождение соответствующей творческой задачи в трудовую функцию работника, а не сам факт работы по трудовому договору как таковой.

Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав, утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г., формулирует применительно к программам для ЭВМ следующую позицию: исключительное право на программу, созданную в рамках исполнения установленных для работника (автора) трудовых обязанностей, первоначально возникает у работодателя, если иное не предусмотрено договором [7]. В деле, положенном в основу этой позиции, принадлежность права работодателю была обоснована тем, что разработка программ осуществлялась работником в рамках заключенного с ним трудового договора и возложенных на него должностной инструкцией обязанностей; содержание инструкции суд исследовал отдельно и привел в судебном акте. Презумпция в пользу работодателя, таким образом, опирается на доказанное содержание трудовой функции и от такого доказывания не освобождает.

Два других дела, включенных в тот же обзор,

показывают обратную ситуацию. В первом Судебная коллегия по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации не согласилась с выводами нижестоящих судов, признавших произведения декоративно-прикладного искусства служебными: доказательств того, что их создание входило в круг служебных обязанностей автора, представлено не было, а служебное задание могло быть дано работодателем только в пределах трудовых функций работника. Во втором Судебная коллегия отменила судебное постановление по спору о фотографиях, созданных штатным корреспондентом: ни контракт, ни приказ о назначении на должность не содержали указания на то, что в обязанности корреспондента входит создание фотографических произведений, а представленные работодателем служебные задания относились к иным периодам и иным материалам.

Ни одно из приведенных дел не касается видеоигр: предметом споров выступали программа автоматизированной системы управления, изделия декоративно-прикладного искусства и фотографии. Перенос сформулированных в них позиций на разработку видеоигр правомерен, поскольку статья 1295 ГК РФ носит общий характер и распространяется на любые произведения, включая программы для ЭВМ, а предметом доказывания во всех трех делах выступало одно и то же обстоятельство – содержание трудовой функции работника безотносительно к отраслевой специфике созданного результата. Этот подход сохранен и в действующих разъяснениях высшей судебной инстанции: согласно абзацу пятому пункта 104 постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации», бремя доказывания того, что произведение создано в пределах установленных для работника трудовых обязанностей, лежит на работодателе [8]. Специальная судебная практика по спорам о служебном характере результатов, созданных при разработке видеоигр, не выявлена; приведенные позиции остаются наиболее близким ориентиром для таких споров.

Применительно к разработке видеоигр изложенное означает, что программист, художник или композитор, формально состоящий в штате студии, не утрачивает исключительное право на созданный им код, модель персонажа или музыкальный трек автоматически. Для закрепления права за работодателем требуется, чтобы соответствующая творческая задача была прямо зафиксирована в его должностной инструкции или ином документе, определяющем трудовую функцию. Р. М. Янковский, И. А. Бардов и А. А. Никифоров, рассматривая программу для ЭВМ как многослойный объект, отмечают, что формулировки должностных инструкций не всегда достигают степени конкретности, необходимой для бесспорной квалификации результата как служебного; следствием становится риск сохранения прав за работником вопреки ожиданиям работодателя [9]. Общие вопросы служебного характера программного обеспечения затрагиваются также в новейшей моногра-

фии, посвященной правовым аспектам разработки и коммерциализации программного обеспечения [10].

У видеоигр эта проблема приобретает специфическую форму. Над одним проектом обычно работают значительное число сотрудников с разными трудовыми функциями: программист, левел-дизайнер, композитор, сценарист. Должностная инструкция, содержание которой ограничено формулировками одной трудовой функции, по построению не описывает творческие задачи, отнесенные к иной трудовой функции. Применительно к результату, вышедшему за пределы буквального текста инструкции конкретного сотрудника, требование о вхождении задачи в трудовую функцию не может считаться выполненным автоматически, а бремя доказывания служебного характера такого результата ложится на работодателя.

Два дополнительных условия статьи 1295 ГК РФ также имеют для студии практическое значение. Во-первых, исключительное право возвращается автору, если работодатель в течение трех лет со дня, когда произведение было предоставлено в его распоряжение, не начнет его использование, не передаст исключительное право другому лицу и не сообщит автору о сохранении произведения в тайне (п. 2 ст. 1295 ГК РФ). Для компонента, созданного в отмененном или отложенном проекте, этот срок способен привести к утрате права на уже готовый результат. Во-вторых, за работником сохраняется право на вознаграждение за служебное произведение, размер и порядок выплаты которого определяются договором, а при наличии спора – судом (п. 3 ст. 1295 ГК РФ, пункты 105 и 106 названного постановления Пленума).

Договор авторского заказа и презумпция статьи 1240 ГК РФ

Второе основание – договор авторского заказа (ст. 1288 ГК РФ), которым оформляются отношения с авторами, привлеченными на гражданско-правовой основе вне штата: фрилансерами-композиторами, художниками-иллюстраторами, актерами озвучивания. Молчание такого договора о переходе исключительного права по общему правилу пункта 3 статьи 1233 ГК РФ означает лицензию: заказчик получает лишь право использования результата в пределах, оговоренных договором, а исключительное право остается у автора.

Из этого общего правила пункт 3 статьи 1233 ГК РФ делает изъятие для результата, специально созданного или создаваемого для включения в сложный объект. К такому договору применяется обратная презумпция абзаца второго пункта 1 статьи 1240 ГК РФ, вытесняющая правило о лицензии: право переходит к заказчику в полном объеме, если стороны прямо не договорились об ином. Компонент видеоигры, специально созданный под конкретную игру, в этом случае подпадает под презумпцию, действующую в пользу организатора.

Общее правило пункта 3 статьи 1233 ГК РФ сохраняет значение прежде всего для случаев, когда

компонент передан организатору из уже существующего произведения, например ранее написанного музыкального трека, и специально для игры не создавался. Практическая сложность в том, что граница между этими двумя ситуациями не сводится к формулировке договора и требует анализа фактических обстоятельств его заключения.

Соавторство и делимость творческого вклада

Третье основание, требующее отдельной квалификации, – совместное создание одного компонента несколькими лицами, регулируемое институтом соавторства (ст. 1258 ГК РФ). Закон различает делимое соавторство, при котором часть произведения, созданная отдельным соавтором, имеет самостоятельное значение и может использоваться независимо от остальных частей, и неделимое соавторство, при котором произведение образует неразрывное целое.

Для видеоигры как сложного объекта в целом категории соавторства, как правило, неприменимы. Входящие в ее состав компоненты, как правило, обладают самостоятельным значением и способны использоваться отдельно от игры: музыкальный трек может быть издан отдельно, персонаж использован в мерчандайзинге. Такая совокупность представляет собой множество самостоятельных произведений, объединенных в сложный объект по правилам ст. 1240 ГК РФ; признаков единого неделимого результата соавторства она не образует.

Категория соавторства сохраняет значение на уровне отдельного компонента. Если, например, музыкальный трек написан двумя композиторами, работающими совместно, и их вклады не могут быть выделены как самостоятельные части, возникает неделимое соавторство. В этом случае согласно пункту 3 статьи 1229 ГК РФ распоряжение исключительным правом осуществляется совместно, а каждый из соавторов вправе самостоятельно принимать меры по защите своих прав. Доктринальная разработка вопроса о делимости творческих вкладов применительно к аудиовизуальному произведению – объекту, по структуре близкому к видеоигре как совокупности разнородных результатов, – показывает, что раздельное соавторство признается именно тогда, когда часть результата имеет самостоятельное значение и способна использоваться независимо от целого [11]. Сопоставление с аудиовизуальным произведением методологически оправдано: оба объекта объединяют разнородные результаты нескольких создателей, и вопрос о делимости творческого вклада в обоих случаях решается на уровне отдельного результата, а не объекта в целом.

Смешение уровня анализа, то есть применение категорий соавторства к игре в целом вместо ее отдельных компонентов, ведет к неверному выводу о необходимости получения согласия всех участников проекта на любое использование игры, тогда как такое согласие требуется только в отношении неделимо и совместно созданных компонентов. Специальная судебная практика о делимости творческих

вкладов применительно к отдельному компоненту видеоигры на момент проведения исследования не выявлена; изложенное решение опирается на общие нормы ст. 1258 и п. 3 ст. 1229 ГК РФ и подлежит проверке по мере накопления практики.

Сравнительно-правовой аспект: тест work made for hire

Две из рассмотренных конструкций – служебное произведение и договор авторского заказа – имеют аналог в зарубежном праве; институт соавторства прямого зарубежного эквивалента для целей настоящего сопоставления не имеет. Согласно Copyright Act, компьютерная программа признается служебным произведением (work made for hire) автоматически, без дополнительного соглашения, если она создана работником в пределах его служебных обязанностей; для разграничения статуса работника и независимого подрядчика применяется тест, сформулированный Верховным судом США в деле *Community for Creative Non-Violence v. Reid* [12]. К лицам, привлеченным по заказу вне трудовых отношений, эта конструкция неприменима вовсе. Компьютерная программа не входит в перечень девяти видов заказных произведений, для которых закон допускает признание служебным произведением по письменному соглашению сторон [13]; поэтому переход права к заказчику в этом случае должен оформляться прямой уступкой права, а не оговоркой о служебном характере произведения. Направление проверки в обеих системах общее: оно идет от статуса лица и содержания его функции, тогда как факт участия в проекте сам по себе значения не имеет. Различается юридико-техническое оформление последствий для заказных отношений.

Из зарубежных правовых порядков для сопоставления избрано законодательство США, поскольку институт work made for hire кодифицирован непосредственно в тексте закона и в силу этого допускает прямое сопоставление с презумпциями статей 1295 и 1240 ГК РФ. В правовых порядках континентальной правовой семьи, к которой принадлежит и российское право, аналогичный вопрос, как правило, решается не через специальную презумпцию служебного характера, а через общие нормы о договорном переходе имущественных прав, что делает прямое сопоставление конструкций менее показательным для целей настоящей статьи. Практическое следствие этого различия для российского разработчика состоит в том, что презумпция абзаца второго пункта 1 статьи 1240 ГК РФ закрывает для заказных компонентов тот разрыв, который в праве США приходится устранять прямой уступкой права: при молчании договора о судьбе исключительного права российский организатор приобретает это право, если компонент создавался специально для игры, тогда как американский заказчик без прямой уступки исключительного права не приобретает.

Возражение против дифференцированной модели и ответ на него

Против изложенной модели может быть вы-

двинуто возражение: право на компонент в любом случае консолидируется у организатора в силу пункта 1 статьи 1240 ГК РФ, а значит, различие служебного произведения, авторского заказа и соавторства не имеет практического значения и носит теоретический характер. Возражение неточно отражает механизм консолидации. Пункт 1 статьи 1240 ГК РФ обязывает организатора приобрести право использования на основании договора с обладателем исключительного права, однако само это право у организатора автоматически не возникает. Если фактических оснований для консолидации нет (творческая задача не входила в трудовую функцию работника; компонент не создавался специально для игры, а договор не содержит условия об уступке; соавторы не оформили совместное распоряжение неделимым результатом), организатор не приобретает права использования компонента, несмотря на его формальное включение в состав игры. Различие оснований, таким образом, не факультативно: оно указывает, какой именно договор организатору требуется заключить с конкретным создателем и какой риск возникает при его отсутствии или дефекте.

Результаты: последовательность из трех вопросов

Проведенный анализ позволяет свести определение правового режима компонента видеоигры к последовательности из трех вопросов, ответы на которые показывают, кому изначально принадлежит исключительное право. Первый: в каких отношениях – трудовых или гражданско-правовых – создатель компонента состоит с организатором проекта. Второй: для трудовых отношений – охватывает ли формулировка трудовой функции, зафиксированная в должностной инструкции и трудовом договоре, конкретную творческую задачу, приведшую к созданию компонента; для гражданско-правовых отношений – создавался ли компонент специально для этой игры или был передан организатору из уже существующего произведения. Третий: при создании компонента несколькими лицами – делимы ли их творческие вклады. Эта последовательность не заменяет собой квалификацию видеоигры как сложного объекта в целом, а дополняет ее на уровне анализа, предшествующем консолидации прав организатором.

Практическое значение предложенной модели состоит в том, что она указывает на конкретные точки правового риска, устранимые на договорном уровне до возникновения спора. Должностные инструкции штатных сотрудников студии-разработчика должны формулировать творческие задачи с той степенью конкретности, которая позволяет однозначно отнести созданный результат к служебному произведению. В договорах с привлеченными авторами целесообразно прямо оговаривать переход исключительного права, вместо того чтобы полагаться на презумпцию ст. 1240 ГК РФ без крайней необходимости: ее применение зависит от того, создавался ли компонент специально для игры, то есть от вопроса факта, который при возникновении

спора придется доказывать отдельно. При совместной работе нескольких лиц над одним компонентом целесообразно заранее определить в соглашении между ними делимость их вкладов и порядок распоряжения правами. Детализация правового режима видеоигры на уровне отдельных компонентов, дополняя анализ игры как сложного объекта в целом, позволяет точнее прогнозировать распределение исключительных прав между организатором проекта и создателями входящих в игру результатов интеллектуальной деятельности и снижает риск споров, аналогичных рассмотренным в обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2015 года.

Заключение

Результаты исследования сводятся к следующему.

1. Квалификация видеоигры как программы для ЭВМ либо как мультимедийного продукта определяет режим игры в целом. Вопрос о том, кому изначально принадлежит исключительное право на ее отдельные компоненты, решается на ином уровне анализа и зависит от правового основания создания конкретного компонента.

2. Отнесение компонента к служебному произведению (ст. 1295 ГК РФ) обусловлено не самим фактом трудовых отношений: необходимо буквальное вхождение соответствующей творческой задачи в трудовую функцию работника. Для многопрофильных команд разработчиков видеоигр это условие часто не выполняется автоматически, а бремя его доказывания несет работодатель.

3. Для компонента, созданного по договору авторского заказа, решающим является факт его специального создания для игры: только он запускает презумпцию абзаца второго пункта 1 статьи 1240 ГК РФ в пользу организатора взамен общего правила о лицензии.

4. Категории делимого и неделимого соавторства применимы к отдельному компоненту видеоигры, созданному совместно несколькими лицами. К игре как сложному объекту в целом они неприменимы постольку, поскольку входящие в нее компоненты сохраняют самостоятельное значение и способны использоваться отдельно от игры; для проектов, результат которых на такие компоненты не распадается, вопрос решается по правилам ст. 1258 ГК РФ. Смещение этих уровней ведет к неверному определению круга лиц, согласие которых необходимо для использования игры.

5. Правило пункта 1 статьи 1240 ГК РФ о консолидации прав организатором не устраняет значения перечисленных оснований. При отсутствии фактических предпосылок для их применения организатор не приобретает права использования компонента, несмотря на включение компонента в состав игры.

6. Предложенная последовательность из трех вопросов (характер отношений с организатором, содержание трудовой функции или факт специального создания, делимость совместного творческого вклада) может использоваться при подготовке тру-

довых договоров и договоров авторского заказа в организациях-разработчиках видеоигр для снижения риска утраты консолидации прав.

Список литературы:

[1] Архипов, В. В. Интеллектуальная собственность в индустрии компьютерных игр: проблемы теории и практики / В. В. Архипов // Закон. – 2015. – № 11. – С. 61–69.

[2] Компьютерные игры в юридических исследованиях: к вопросу о предпосылках модели регулирования / В. В. Архипов [и др.] // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. – 2023. – Т. 14, № 1. – С. 5–21.

[3] Сложные объекты интеллектуальных прав. Особенная часть / М. А. Рожкова [и др.] // Журнал Суда по интеллектуальным правам. – 2025. – № 4 (50). – С. 6–30.

[4] Гринь (Котенко), Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт : монография / Е. С. Гринь (Котенко). – М.: Проспект, 2013. – 124 с.

[5] Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая) : Федеральный закон от 18 декабря 2006 г. № 230-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2006. – № 52 (ч. 1). – Ст. 5496.

[6] Братусь, Д. В. Организационные авторские права : монография / Д. В. Братусь ; под общ. ред. Б. М. Гонгало. – М.: Статут, 2022. – 236 с.

[7] Обзор судебной практики по делам, связанным с разрешением споров о защите интеллектуальных прав : утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 23 сентября 2015 г. // СПС «ГАРАНТ». – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71101778/> (дата обращения: 08.09.2026).

[8] Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23 апреля 2019 г. № 10 «О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Бюллетень Верховного Суда Российской Федерации. – 2019. – № 10.

[9] Янковский, Р. М. Три взгляда на компьютерную программу: исходный текст, производное и служебное произведение / Р. М. Янковский, И. А. Бардов, А. А. Никифоров // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2022. – № 10. – С. 100–137.

[10] Савельев, А. И. Правовые аспекты разработки и коммерциализации программного обеспечения / А. И. Савельев. – М.: Статут, 2024. – 620 с.

[11] Ковалева, Я. Вопросы соавторства в отношении аудиовизуального произведения / Я. Ковалева // Интеллектуальная собственность. Авторское право и смежные права. – 2016. – № 3. – С. 11–16.

[12] Community for Creative Non-Violence v. Reid, 490 U.S. 730 (1989).

[13] Copyright Act of 1976, 17 U.S.C. § 101.

References:

[1] Arkhipov, V. V. Intellectual Property in the Computer Game Industry: Theoretical and Practical Issues / V. V. Arkhipov // Zakon. – 2015. – No. 11. – P. 61–69.

- [2] Computer Games in Legal Research: On the Prerequisites for a Regulatory Model / V. V. Arkhipov [et al.] // Vestnik of Saint Petersburg University. Law. – 2023. – Vol. 14, No. 1. – P. 5–21.
- [3] Complex Objects of Intellectual Property Rights: Special Part / M. A. Rozhkova [et al.] // Journal of the Intellectual Property Rights Court. – 2025. – No. 4 (50). – P. 6–30.
- [4] Grin (Kotenko), E. S. Copyright in Multimedia Products: Monograph / E. S. Grin (Kotenko). – Moscow: Prospekt, 2013. – 124 p.
- [5] Civil Code of the Russian Federation (Part Four): Federal Law No. 230-FZ of December 18, 2006 // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2006. – No. 52 (Part 1). – Art. 5496.
- [6] Bratus, D. V. Organizational Copyrights: Monograph / D. V. Bratus; ed. by B. M. Gongalo. – Moscow: Statut, 2022. – 236 p.
- [7] Review of Judicial Practice in Cases Involving the Resolution of Disputes on the Protection of Intellectual Property Rights: Approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on September 23, 2015 // GARANT Legal Reference System. – URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/71101778/> (accessed: 08.09.2026).
- [8] Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 10 dated April 23, 2019, «On the Application of Part Four of the Civil Code of the Russian Federation» // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2019. – No. 10.
- [9] Yankovsky, R. M. Three Perspectives on a Computer Program: Source Code, Derivative Work, and Work Created in the Course of Employment / R. M. Yankovsky, I. A. Bardov, A. A. Nikiforov // Herald of Economic Justice of the Russian Federation. – 2022. – No. 10. – P. 100–137.
- [10] Savelyev, A. I. Legal Aspects of Software Development and Commercialization / A. I. Savelyev. – Moscow: Statut, 2024. – 620 p.
- [11] Kovaleva, Ya. Issues of Co-authorship Regarding Audiovisual Works / Ya. Kovaleva // Intellectual Property. Copyright and Related Rights. – 2016. – No. 3. – P. 11–16.
- [12] Community for Creative Non-Violence v. Reid, 490 U.S. 730 (1989).
- [13] Copyright Act of 1976, 17 U.S.C. § 101.

ПОРЯДОК РЕЦЕНЗИРОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В НАУЧНОМ СЕТЕВОМ ЖУРНАЛЕ «ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ»:

1. Представленная автором научная статья рецензируется экспертом редакционной коллегии журнала (доктором, кандидатом наук) в форме экспертной анкеты, утвержденной редакционной коллегией. Экспертиза носит закрытый характер, рецензия в форме экспертной анкеты предоставляется по соответствующему запросу в ВАК, без подписи и указания фамилии, должности, места работы рецензента.
2. Срок подготовки рецензии экспертом редакционной коллегии журнала устанавливается по согласованию с рецензентом, но не может превышать 5 дней с момента поступления рукописи к рецензенту.
3. Окончательное решение о принятии статьи автора и размещении ее в одном из номеров журнала принимается на заседании редакционной коллегии журнала либо главным редактором журнала.
4. По результатам рецензирования могут быть приняты следующие решения:
 - а) рекомендовать принять рукопись к публикации;
 - б) рекомендовать принять рукопись к публикации с внесением технической правки;
 - в) рекомендовать принять рукопись к публикации после устранения автором (авторами) замечаний рецензента, с последующим направлением на повторное рецензирование тому же рецензенту (при рекомендации сокращения или переработки рукописи статьи в рецензии конкретно указывается, за счет чего должна быть сокращена рукопись, что в ней должно быть исправлено, чтобы помочь автору (авторам) в дальнейшей работе над рукописью). В случае если автор (авторы) не устранил замечания рецензента, редакционная коллегия Журнала вправе отказать в публикации рукописи с направлением автору (авторам) мотивированного отказа);
 - г) рекомендовать отказать в публикации рукописи по причине ее несоответствия требованиям, предъявляемым к научному уровню (в данном случае редакционная коллегия Журнала имеет право направить рукопись на рецензирование другому рецензенту либо направить автору (авторам) сообщение (по e-mail) об отказе в публикации рукописи, с приложением экспертной анкеты с результатом рецензирования).
5. Редакционная коллегия информирует о принятом решении автора по его запросу. Автору не принятой к публикации статьи редакционная коллегия направляет по его запросу информацию об отказе.
6. Редакционная коллегия осуществляет рецензирование всех поступающих в редакцию материалов, соответствующих ее тематике, с целью их экспертной оценки.
7. Все рецензенты являются признанными специалистами по тематике рецензируемых материалов и имеют в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи. Рецензии хранятся в издательстве и в редакции издания в течение 1 года.
8. Максимальный срок рецензирования (с учетом повторного и дополнительного рецензирования) составляет 5 дней с момента поступления рукописи в редакцию.
9. Опубликование представленного материала осуществляется в соответствии с планом работы редакции, с учетом необходимости формирования различных рубрик в каждом номере журнала и обеспечения финансирования выпуска журнала (оплатой автором организационного взноса за публикацию статьи).

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Сведения общего характера:

Обращаем внимание авторов на то, что публикации статей в научном сетевом журнале «Права человека в современном мире» осуществляется при условии соблюдения правил подготовки статей и при положительном решении редколлегии по итогам рецензирования, с учетом очередности присылаемых для публикации материалов.

Рукопись принимается к рассмотрению при условии, если она соответствует требованиям, предъявляемым к оформлению статей (материалов).

Срок рассмотрения рукописи: от 1 до 3 рабочих дней.

В случае, если рукопись статьи направлена на рассмотрение и в другие издания, об этом факте необходимо поставить в известность редакцию. Редакция не принимает к рассмотрению статьи с низким уровнем оригинальности текста (менее 70%).

Рукописи должны иметь авторство не менее 70%, что подтверждается системой Антиплагиат. Цитирования других авторов и цитирования законодательства при этом могут входить в 70%.

Тексты статей принимаются объемом от 5 до 15 машинописных страниц и (не более 30 000 знаков (с учетом пробелов), рецензии на монографии, учебники — до 6 машинописных страниц. В расчет объема статьи входят аннотация, ключевые слова, библиография, сведения об авторе(ах). Статья должна быть написана качественно, аккуратно оформлена и тщательно отредактирована.

Научная статья, оформленная по правилам, направляется через форму на Главной странице сайта

Представленные материалы должны соответствовать общепринятым этическим нормам. Ответственный секретарь (заместитель главного редактора) направляет статью на рецензирование члену редакционной коллегии, курирующему соответствующее научное направление, при условии, что статья оформлена в соответствии с требованиями. Процедура рецензирования рукописей осуществляется конфиденциально в целях защиты прав автора.

Правила оформления статей:

Набор текста производится в формате Microsoft Word. Шрифт – Times New Roman; размер шрифта – 14; межстрочный интервал – 1,5.

Последовательность оформления статьи:

В начале статьи (на первой странице) приводятся на русском языке:

Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания, электронного адреса;

Название статьи (буквы – прописные);

Аннотация и ключевые слова на русском языке (выравнивание «По ширине», без отступа);

Указание на источник финансирования (если работа выполняется по гранту).

Затем размещается информация на английском языке:

1. Сведения об авторах с указанием Ф.И.О., ученой степени (при наличии), места работы, должности, звания;

2. Название статьи (буквы – прописные);

3. Аннотация и ключевые слова (выравнивание «По ширине», без отступа).

После размещения технической информации следует текст статьи.

Структура статьи, как правило, включает: введение (характеристика актуальности темы и степени ее научной разработанности), указание на цель и задачи данной статьи, обозначение использованных методов, представление результатов, заключение. Отдельные блоки содержания выделяются подзаголовками (оформляются с выравниванием «По центру», строчными, полужирным курсивом).

В тексте статьи ссылка на источник из списка литературы должна быть указана в квадратных скобках, например, [1]. Может быть указана ссылка на источник со страницей, например, [1, с. 57], на группу источников, например, [1; 2]. Постраничные сноски допускаются только, если не содержат ссылку на библиографический источник, например, разъяснение термина.

В конце статьи необходимо оформить список литературы на русском языке и список литературы на английском языке.

Для аспирантов, адъюнктов, соискателей ученой степени кандидата наук:

- в статье необходимо указывать: данные о научном руководителе (фамилия, имя, отчество, ученая степень, звание, e-мейл),
- необходимо соблюдать правила научной этики при написании и публикации статей, в случае нарушения которых

Внимание! Редакция оставляет за собой право отказать в публикации предварительно одобренной статьи при обнаружении признаков использования искусственного интеллекта (ИИ), в частности, chatGPT, Deepseek, Grok и др., недобросовестного заимствования и/или недобросовестного повышения оригинальности текста в системе “Антиплагиат” (организационный взнос в этом случае не возвращается).

ПРАВА ЧЕЛОВЕКА В СОВРЕМЕННОМ МИРЕ

НАУЧНЫЙ СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

№ 2 (АПРЕЛЬ-ИЮНЬ)

2026 ГОД

Сдано в набор 20.08.2026. Подписано в печать 23.08.2026.

Формат 60х90/8. Печ. л. 5,7. Заказ № 12.

Верстка и редакционная подготовка
в ООО «Издательский дом «Академик».

121596, г. Москва, ул. Горбунова, д. 2 стр. 3, офис 218.